

ИГОРЬ КОВАЛЬЧУК

КЛАНОВОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Бессмертные

Игорь Ковальчук
Клановое проклятие

«Лениздат»

2007

Ковальчук И.

Клановое проклятие / И. Ковальчук — «Лениздат»,
2007 — (Бессмертные)

В системе миров, подвластных кланам бессмертных, долгое время сохранялась относительная политическая стабильность. Это продолжалось до тех самых пор, пока один из кланов не решился осчастливить всех, создав совершенное общество, состоящее из совершенных людей. А ведь именно этот клан был призван наблюдать за всеобщим исполнением законов, и без труда может кого угодно заставить выполнять свои решения. Руин Арман, могущественный маг, один из представителей некогда проклятого и многими ненавидимого клана бессмертных, со своей семьей, того не желая, оказывается в самом центре событий. Многие желают ему смерти. И даже самый сильный чародей может погибнуть. Но принесет ли гибель Руина желаемую победу его врагам? Неизвестно...

© Ковальчук И., 2007

© Лениздат, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Игорь Ковальчук

Клановое проклятие

Глава 1

Руину было холодно.

Он не привык к долгим пешим путешествиям, к ночевкам на голом камне, к тому, что на своих плечах в гору надо тащить абсолютно все, что только может понадобиться человеку в пути – даже дрова для костерка, даже воду. Конечно, по пути встречались речки и ручейки, но не так часто, как хотелось бы. С изумлением провальский принц обнаружил, что для жизни, оказывается, нужно очень многое, и, даже нагрузившись до предела, путешественник чаще всего вынужден мириться с множеством неудобств.

Впервые Арман задумался о том, что аристократическое воспитание – не всегда преимущество. Мэлокайн, который и вел брата вверх по горным тропкам, казалось, вообще не уставал. Он тащил на себе даже больше, чем его спутник, но при этом прыгал с камня на камень с легкостью сайгака. Как он находил дорогу в мешанине валунов и выступов – Бог его знает. Уже через час пути Руин обычно переставал понимать, куда же собственно они направляются. Ясно было лишь одно – дорога ведет вверх. С каждым шагом лямки заплечного мешка все сильнее врезались в плечи, и бывший провалец мысленно проклинал существо под названием человек за такое обилие и разнообразие потребностей.

Хорошо горным козлам – им не нужно ни дров, ни одеял, ни запаса провизии в жестяных банках (всегда что-нибудь по уступам напрыгают), ни в полных бурдюках воды (уж они-то источники воды нюхом чувствуют).

К концу дня Руин выматывался, переставал видеть, слышать – вообще воспринимать происходящее вокруг него. Переставал понимать, что происходит. Если Мэлокайн говорил ему разводить огонь, он разводил, если велел доставать котелок – доставал, не вдумываясь при этом, зачем это нужно. Старший брат делал вид, что не замечает состояния младшего, старался исполнять всю работу сам. Для него путешествие, даже самое тяжелое, было обыденностью.

В последний раз остановились уже у границы снегов, на узкой террасе, где за большим валуном удалось развести костерок, и то не сразу, а только вечером.

– Чтоб дым не был заметен, – пояснил Мэл.

– Да кто его здесь увидит, – проворчал в ответ Руин. Он страшно зяб и кутался в одеяло, наброшенное поверх куртки.

– Кто угодно. Слушай, у меня еще есть немного коньяка. Тебе дать хлебнуть?

– Немного мне не поможет. Оставь на крайний случай. Вдруг рана...

– Ну, пожалуй... – ликвидатор посмотрел на спутника с сочувствием. – Ну, ничего. Скоро вскипит вода, подогреем консерву, опять же... Давай, брат, держись.

– Слушай, что ты вокруг меня пляшешь? – раздраженно ответил Руин, ненадолго придя в себя от усталости и сковывающего сознание холода. Помолчал немного, зябко передергивая плечами. – Ты уверен, что здесь есть какой-нибудь проход?

– Уверен.

– Но ты там был?

– Вход я видел. А внутрь не ходил. Мне маг нужен, чтоб замаскироваться.

– А если там ничего нет?

– Если, если... Посмотрим.

Арман недовольно повел носом. Невольно посмотрел в котелок, но вода пока еще не кипела.

– И стоило меня тащить именно сейчас. Мне через пять дней экзамены сдавать.

– Хе, школяр... Может, местные маги тоже через пять дней экзамены сдают. Как бы там ни было, но сейчас здесь спокойнее. Еще две недели назад мы б тут не прошли.

Они замолчали и в полной тишине, прерываемой только тихим, вкрадчивым потрескиванием валежника в огне, ждали, когда же приготовится похлебка, и когда же, наконец, можно будет набить брюхо горячим и так согреться. Мэлокайн, хоть и, казалось, вовсе не страдал от неудобств путешествия, тоже мерз, просто умел это не показывать. Он придвинулся к костру, и, укрыв одеялом спину, замер. Покосился на Руина.

– Сядь, как я, и тебе станет теплее. Попробуй, как там еда.

Арман пошевелил ложкой в котле.

– По мне, так если горячее, значит, готовое.

– Ну, тогда ешь.

– А ты?

– А я после тебя.

В молчании они опустошили котелок. Меньше всего на свете сейчас Руину хотелось куда-то тащиться и мыть котелок в ледяной воде, даже если она и найдется поблизости. У костра было уютно, тепло, медленно подступающая темнота, казалось, волокла с собой клубы холода, хотя холодало не так уж быстро, и принц не находил в себе решимости заняться делом, когда ему хотелось лишь одного – прикрыть глаза и уснуть.

Но брат не погнал его мыть котелок. Он выудил из сумки кусок хлеба и корочкой принялся выскребать остатки еды. Внутреннюю часть котла он отполировал до матовой чистоты, после чего упрятал единственную их посудину в пакет, а потом и в сумку. По утрам они ничего не готовили, самое большее – делили на двоих содержимое банки консервов, и продолжали путь до вечера.

– Сколько у нас осталось еды?

– Банки три-четыре и батон.

– Маловато, я бы сказал, – рассудительно отметил Руин. – Не рассчитал.

– Брательник, не корчи из себя знатока. Если мы поставим портал отсюда, это уже ничем нам не помешает. Поэтому на обратный путь пары банок еды нам хватит. В крайнем случае, подстрелю кого-нибудь.

– А у тебя есть из чего стрелять?

Мэл добродушно усмехнулся и продемонстрировал брату пистолет.

– Магическое оружие сюда брать нельзя, а обычное – можно.

– Тогда почему ж ты не прихватил что-нибудь более угрожающее? – усмехнулся Арман. – Например, винтовку с лазерным прицелом, автомат с гранатометом или пулемет? Тяжелый бомбардировщик?

– Шути-шути... Шутник, тоже мне. Я и не думал, что такой великий маг, как ты, понятия не имеет, что лазерные примочки фиксируются магическими следящими системами.

– Никогда об этом не думал. Что – и в самом деле?

– Ага. Черт его знает, почему. И вообще, спал бы ты. Завтра встанем рано.

Руин почел за лучшее подчиниться. Завернувшись в плед, он долго ворочался на земле – то одно ему мешало, то другое, да и вообще, на камнях спать неудобно, жестко – при этом заснул он незаметно, и когда брат растолкал его, первым делом возмутился. Открыв глаза, он обнаружил, что костер уже давно прогорел и остыл, а вокруг густится туманная полумгла, такая густая, что сперва Арман не понял, еще ночь или уже утро.

– Вставай-вставай, – подогнал Мэлокайн. Он присел рядом с братом на корточки, и вид у него был такой свежий, словно ликвидатор вовсе не ложился. – Давай, продирай глаза. В темпе.

– Слушай, еще не «завтра». Дай поспать.

– Хватит, поспал уже. Двигаем.

– В чем дело? – кряхтя, будто смертный преклонных лет, Руин поднялся и сел, кутаясь в одеяло. Он был зол и раздражен – затейливое сочетание. – Что у тебя, репей под хвостом?

– Дошутишься, – Мэл казался слегка озабоченным. – Вставай и пойдем.

– Да в чем дело?

– Не знаю. Но чувство какое-то... Понимаешь... Лучше двигать.

– Ну, ладно, – вздохнул Руин. В том, что имело отношение к путешествиям, тем более на землях Серого Ордена, он предпочитал доверять мнению брата.

Говоря откровенно, известие о том, что Серый Орден все еще существует и даже действует, повергло Руина в шок. Он многое слышал о «серых террористах», которые чуть ли не вдребезги разнесли один из миров системы Асгердана («Ну, это вранье, – покровительственно заметил Мэльдор, его отец. – Разнесли только часть Технаро, и то не вдребезги»), и на которых была объявлена охота. Тогда, четыре десятилетия назад, Орден перебаламутил весь Центр, перепугал всех патриархов – они прежде не сталкивались столь тесно с явлением под названием «терроризм».

В результате все вылилось в войну, которая закончилась непонятно чем. Суду предали немало людей, но все они относились к числу исполнителей. Какой толк с исполнителей? Ну, наказали их, кого-то оправдали (в их числе был и Мэлокайн), кого-то отправили на Звездные каторги, но из главарей-то не попался никто. Правда, объявляли, что главари просто не дались живыми. А выходит, что это не так?

С таким вопросом Руин обратился к Мэлокайну, но ликвидатор ответил довольно легкомысленно: «Какое это имеет значение? Погибли они там – не погибли... На место одного предводителя всегда придет другой, сам понимаешь».

«Так ты думаешь, что к власти в Сером Ордене пришли другие маги»? – тут же переспросил Арман.

Мэлокайн ответил ему долгим взглядом. Он не спешил отвечать, но в его глазах, как ни странно, младший брат видел только недоумение. «Какое мне дело? – наконец спросил ликвидатор. – Придем – посмотрим. А тебе-то не все равно?»

Действительно, все равно, Руин был вынужден признать это. Единственное, чего он хотел – запустить обе руки в бумаги, хранящиеся в архиве Серого Ордена, и потом, на досуге, тщательно все разобрать. Чем больше сил Арман отдавал магической науке, чем больше крупиц силы впитывал в себя, тем яснее он понимал, как на самом деле слаб. В Провале ему казалось, что он могуч, немногим хуже окружавших его архимагов.

Причиной тому были частые похвалы и удивление наставников. Среди представителей провальской знати редко встречались юноши, готовые отказываться от самых заманчивых развлечений, лишь бы корпеть над магическими книгами. Усидчивым принцем восхищались все, лучшие чародеи Черной стороны пророчили ему великое будущее, и, поскольку молодой человек не задирает нос, продолжал трудиться, никто не пытался внушить ему мысль, что способности – способностями, но до архимага ему еще, как до неба.

Лишь почувшись в Галактисе, Руин почувствовал, что он способен на меньшее, чем желал бы. Если ему однажды и удалось справиться с архимагом, напавшим на него и его сестру, то это была обычная случайность. Бывают и не такие случайности. Здесь, в самом престижном высшем учебном заведении Асгердана, к Арману, конечно, относились так же, как ко всем остальным студентам. Преподавали им лучшие мастера, почти все они были если не архимагами, то уж старшими магистрами – точно. Они приоткрыли перед Руином такие бездны магических тайн, что молодой человек сам себе показался слабым и незначительным.

Как любой прирожденный маг, больше всего на свете он жаждал колдовской силы и власти.

Несмотря на то что его старший брат, в магии понимавший не больше любого хорошего воина, неплохо образованного человека (в магическом мире поневоле приходится осваивать

какие-то азы, иначе не сможешь пользоваться многими благами магической цивилизации), считал, что серая магия существует, и это уже бесспорно, Руин не разделял его уверенности. С другой стороны, и в споры он не кидался. Арман полагал так: еще неизвестно, как там на самом деле, сперва надо все проверить. Но если кто-то серьезно и давно изучает серую магию, то вряд ли в бумагах можно найти только ерунду или бредни самоуверенного сумасшедшего.

Руин чувствовал, что архив Ордена откроет ему новые горизонты. Заманчивее всего была мысль, что знания, накопленные этими опасными людьми, дадут ему то, чем не владеет никакой другой маг.

А что касается террористических замашек, то не его это дело. Пусть этим занимаются Блустители Закона и их Спецотдел по расследованию особо тяжких преступлений. К тому же, раз Орден не дает о себе знать, раз у него сменилась почти вся управляющая верхушка, возможно, от своей первоначальной программы он отказался. Тогда нападения на Технаро и другие миры Центра были частью борьбы за власть, теперь Ордену приходилось бороться за жизнь. Не до жиру – не до террористических актов – быть бы живу.

К тому же, если Орден снова задумает схватиться с Асгерданом, Руин был уверен, что его старший брат с удовольствием передаст Спецотделу всю информацию, которой он владеет, а ее немало. Мэлокайн ненавидел эту организацию всей душой.

Арман боялся, что путешествие в тумане будет опасно, но ликвидатор вел его с такой уверенностью, будто гулял по собственному дому. Немного погодя они нырнули в расщелину, вскоре превратившуюся в настоящую пещеру, где было темно и влажно. Однако и здесь Мэл шагал вперед так же быстро и спокойно, как раньше, только вовремя вцепился в рукав Руина, не дал ему потеряться в темноте. Густая, как студень, мгла, казалось, не давала идти вперед.

– Слушай, а света нельзя? – спросил Руин в голос. Правда, в темноте слова прозвучали почему-то очень глухо.

В тот же миг брат становился, обхватил его руками и прошептал на ухо.

– Так. Договоримся – ни слова. Если будет, что сказать, сожми мне руку, я ухо подставлю.

Руин промолчал. Раз ничего не сказал по поводу огня, значит, не стоит. Уж он-то, опытный орденец, понимает, что к чему.

Шли долго, пока впереди не забрезжил слабый свет. Тьма сменилась обычной темнотой. Теперь было видно, что они идут по длинному коридору, отделанному настолько грубо, что, казалось, происхождение его совершенно естественно. Над головой нависали крупные гранитные глыбы, но высота коридора неизменно оставалась такой, чтоб по нему, не пригибаясь, мог пройти взрослый мужчина. Некоторые глыбы носили следы кирки. Повинуясь поднявшейся в душе тревоге, Арман вынул из-за пояса меч, но когда свет стал ярче и обнял их с братом, словно приятный весенний ветерок, Мэл покосился на спутника с неудовольствием.

– Спрятал бы ты лучше свой хынжал, – проговорил он. – Как ты с ним в руках станешь прыгать с уступа на уступ?

Руин, не противореча, вложил клинок в подпространство.

– А придется прыгать?

– Всякое может быть, – туманно ответил старший брат.

Длинный коридор вывел в залу с грубо отделанным потолком, где горел магический свет. Такие светильники Руин знал – они требовали немного энергии, и, если подключить их к постоянному магическому потоку, свет может гореть столетиями. Из залы вело несколько походов, и не было ни одного человека, ни одного демона. Правда, Мэлокайн говорил, что в Ордене прежде не держали демонов, но все могло измениться.

Ликвидатор выбрал один из проходов, оттуда они попали в настоящий лабиринт. Как хороший маг, Руин обладал прекрасной памятью и принялся считать повороты, чтоб не сбиться с пути, но быстро понял, что без помощи брата отсюда, пожалуй, не выберется. Но Мэл не терялся, в какой-то момент он вытащил из кармана металлическую пластинку и показал Руину,

убеждая его, что все в их руках. Арман в значках на металле ничего не понял, но предпочел поверить.

Лабиринт оборвался узеньким лазом, который привел наружу, на склон горы, только с другой стороны. Покрутив головой, молодой маг убедился в том, что гору насквозь они все-таки не прошли, а оказались над невидимым дном огромной расщелины, должно быть, расщелившейся эту гору. Дна было не разглядеть, хотя, как оказалось, за время путешествия в лабиринте утренний туман рассеялся, и засияло утро. Пронзительно-синее небо казалось ликующей песнью жаворонка, славящего рассвет.

– Красиво, – вполголоса заметил Арман.

– Хорошо, что тебе нравится. Вылезай.

– Куда?

– Куда-куда... Наружу. Полезем вниз.

– Что-то я не понимаю, какой смысл был ползти по той стороне горы вверх, чтоб теперь по этой тащиться вниз?

– Глупый вопрос. Мы же здесь не гости. Приходится вертеться. Лезь первый... Стой, сперва обвяжись веревкой. Я ее тут закреплю.

– А как будешь снимать?

– Я умею. Лезь.

Мэлокайн тщательно проверил узел, который Руин затянул на животе, и подтолкнул его к пролому.

– Я-то пролезу, – пропыхтел молодой маг, протискиваясь в узкую дыру. – Но ты-то как?

– Посмотрим.

Как оказалось, карабкаться было не так уж сложно. Уступы попадались на каждом шагу, камни почти не вырывались из-под ступни, а когда природная «лесенка» закончилась, помогла веревка. Хоть Руин и осторожничал, он скоро убедился, что Мэл не преувеличил, и на его узел действительно можно было положиться. Чтоб развязать его, достаточно было как следует потянуть за другой конец веревки, который ликвидатор постоянно держал в руке.

Спускаться пришлось долго. Арман совершенно ободрал о камни рукава куртки, оторвал несколько пуговиц и мысленно награждал самыми разнообразными эпитетами адептов Серого Ордена, которые не могли выбрать для своего архива местечка поудобнее. С другой стороны, приходилось признать, что им еще повезло, раз карабкаться приходится по уступчатой скале, а не по стене небоскреба, скажем, или не в болото нырять, и не в цистерну с цементом залезать.

Мэлокайн все подбадривал его: «Уже недолго осталось. Держись...» Это тоже раздражало принца, и легко догадаться, в чем дело – брат точно оценивал возможности бывшего провальца, отдает себе отчет, насколько тот неприспособлен к путешествиям, и потому поневоле опекает его. Пожалуй, Руина раздражали даже не предупредительность и внимание Мэла, а лишь соображение, что и то, и другое имело под собой серьезные основания. Прежде Арману не приходилось обдирать ладони о веревку и лазать по скалам, но он считал, что при необходимости не хуже любого приключенца сможет показать класс и в горах, и на равнине. Однако его неприспособленность оказалась налицо.

Возле одного из уступов, у пышного темно-зеленого куста, который Руин ни за что бы не смог назвать, ликвидатор сделал брату знак немного подождать, а потом сунул голову прямо в куст и ловко, будто уж, втянулся в него целиком. Сперва Арман опешил, а потом сообразил, что куст просто-напросто прикрывает лаз, в нем-то и исчез великан-Мортимер. Через несколько минут из-за куста высунулась встрепанная голова, и Мэл прошипел:

– Ползи за мной, – и снова исчез.

Руин с трудом отыскал лаз и пополз в глубь горы. Было очень тесно, и оставалось лишь гадать, каким образом по этой крысиной норе три раза прополз Мэлокайн – косая сажень в плечах. За ремень и меч у пояса цеплялись длинные корни и мелкие камушки, и пока Арман

добрался до конца, он успел проклясть все на свете. Даже архив Серого Ордена показался ему не такой уж ценной вещью.

Он вывалился из лаза в каком-то чуланчике, где помимо Мэлокайна громоздились метлы, ведра, какие-то деревянные и весьма объемные конструкции, неустойчиво нагроможденные одна на другую. Как только младший брат показался из лаза, старший тут же перехватил его за плечи и выдернул, да так осторожно, что не потревожил ни одной конструкции, загромождающей чуланчик, ни одного ведра.

– Осторожнее двигайся, – прошептал он. – Если хоть одну штуку заденем, такой грохот поднимется, что мигом все сюда сбегутся.

Руин задумчивым взглядом обвел чуланчик. Видно было плохо, лишь несколько лучиков света пробивалось сквозь щели в скалах, да помогало заклинание «ночного зрения», такое слабое, что его не мог бы уловить даже проходящий мимо маг. Потому-то Арман и решился воспользоваться своей магией.

– Тогда нам предстоит тут стоять до скончания времен, – ответил он меланхолично.

– Ну, зачем так-то... – Мэлокайн осторожно передвинул пару ведер, потом вдруг прыгнул и через пару мгновений оказался у дверки. – Вот, пожалуйста.

К изумлению Руина, этот огромный мужчина по загроможденному чуланчику двигался с легкостью кота.

– Хе... Я летать-то не умею.

– А ты попробуй.

Хотя Арман был легче и намного гибче ликвидатора, он пробрался к дверке с гораздо большим трудом, но, правда, столь же бесшумно.

С третьей попытки Мэлу удалось открыть дверь, каким-то образом подцепив ручку, которая без труда открывалась снаружи, а вот изнутри отсутствовала вообще. Пришлось отодвигать язычок замка кончиком ножа, а это дело хлопотное, особенно в тесноте. Руин, который стоял, плотно уткнувшись носом в предплечье брата, боролся с желанием отодвинуть его в сторонку и сделать все самому. Его останавливало лишь то соображение, что сделать это он сможет лишь с помощью магии, и не такой уж незаметной.

Замок подался, и ликвидатор осторожно приоткрыл дверь. Выглянул. Помедлил, но все-таки шагнул вперед и махнул Арману, чтоб следовал за ним. Дверку молодой маг закрыл за собой с такой осторожностью, словно та была из хрусталя – просто он хотел осмотреться. Длинный коридор, в котором они оказались, был совершенно пуст, но при этом прекрасно освещен. Через равное расстояние в стенные кольца были вставлены факелы, они горели – все, как один. Именно это навело Руина на мысль, что здесь не обошлось без магии.

Мэл стремительно двинулся вправо, его брату оставалось лишь следовать за ним. Перед ними снова был настоящий лабиринт, но ликвидатор не терялся, он снова извлек из кармана металлическую пластинку, только повернул ее другой стороной. На этой тоже было что-то начертано. Арман по-прежнему ничего не мог понять в этих закорючках, полосках и точках, но и не пытался. Если Мэлокайну нужна будет помощь, он так и скажет.

Им почти никто не попадался по дороге, а от тех, кто попадался, было нетрудно спрятаться, потому что эти люди не пытались двигаться беззвучно. В первый раз им удалось отскочить за угол, в другой коридор, во второй пришлось спешно вскрывать дверь в первую же комнату – там было темно, пол застилал пышный ковер, и на невидимой кровати кто-то натужно храпел. Неведомый человек так и не проснулся и, понятно, не узнал, что своим крепким сном он спас себе жизнь.

– Запомни, Руин, – еще перед выходом объяснил Мэл. – Живым в руки серых попадать не стоит. И жалеть тех, кого ты там встретишь, не надо. В большинстве своем тамошние исполнители – бесчувственные болваны, которые лишены прошлого, настоящего, будущего и спо-

собны лишь выполнять приказы. А тех, кто по своему положению в Ордене сохраняет свободу воли, я б сам с удовольствием перерезал. Но – это утопия.

Руин тогда пожал плечами. Он привык ориентироваться на ситуацию и решать на месте. Что заранее забивать себе голову предположениями, которые скорее всего не сбудутся?

В третий раз избежать встречи получилось намного сложнее. В подобных ситуациях нет времени договариваться, что-то обсуждать, потому попросту в какой-то момент Мэлокайн подпрыгнул, уцепился за карниз, проходящий поверху коридора, в мгновение ока подтянулся и пропал. Арман остался один, но почти сразу понял, в чем, собственно, дело. Издали слышались шаги, и не одиночные. Сюда шло сразу несколько человек.

Он огляделся. Голый коридор – ни закутков, ни комнат, поворот далеко, и именно из-за него вот-вот должны появиться люди, а взлететь под потолок так же непринужденно, как ликвидатор, провальский принц не надеялся. Из-за карниза («Как только поместился там? Во дает...») выглянул вопросительный Мэлокайнов глаз. Он как бы спрашивал: «Тебе помочь»? Руин в один миг представил себе, сколько времени потребуется, чтоб вздернуть его туда же, где укрылся старший брат, быстро качнул головой и привалился к стенке.

Из-за поворота показались шестеро, одетые во все черное, с болтающимися на шеях повязками, которые по логике должны были скрывать лица, а сейчас были опущены, но молодой маг их уже не видел. Он прижался затылком к камню и закрыл глаза.

Что самое странное, чужака эти адепты-воины тоже не видели. Его бы сейчас не увидел и Мэлокайн. На несколько мгновений Руина просто не стало. Погрузившись в наполняющую мир магию, он ощутил ее, как живое существо, и задал ей вопрос. Если очень хорошо чувствуешь колдовскую энергию, наполняющую всю вселенную и не только ее, то сможешь почувствовать и себя, как нечто подобное ей. Тогда вы окажетесь на равных, и можно будет вступить в диалог. С другой стороны, магия ведь не живое существо, и если ей задаешь вопрос... Нет, не так. Если ей Задаешь Вопрос... Так вот, если это происходит, то на несколько мгновений, как ни странно, вполне ощутимых в физическом мире, магия замирает.

Руин просто растворился в ней, в ее колебаниях, в ее своеобразной, ни на что не похожей жизни, и протопавшие мимо боевики, конечно, его не увидели. Да и нечего было видеть.

Потом ткань реальности слегка дрогнула (ее колебания были похожи на те, что происходят постоянно, естественным образом, и даже потом, уже очнувшись, Арман не испугался, что на его присутствие в горной цитадели Серого Ордена кто-нибудь обратит внимание), молодой маг получил ответ на свой вопрос – ответ, который, по сути, был ему не нужен, но за который он заплатил кусочком своей магии – и с огромным трудом воплотился обратно.

Было тяжело. Кружилась голова, во рту стоял привкус железа, такой омерзительный, что Руина чуть не вырвало, пришла и тут же ушла сильнейшая головная боль. После нескольких мгновений эфирного существования тело, в которое вернулась его душа, показалось ему невыносимо тяжелым и противным, каким может быть уже полежавший труп. Передвигать эту громаду мяса, костей и внутренностей не хотелось совершенно.

Арман едва сглотнул сухим горлом и попытался облизать губы. Он понимал, почему так отвратительно чувствует себя – поторопился, влетел в сложнейшее медитативное состояние и тут же вылетел из него, будто пробка из бутылки с игристым вином. К тому же... Молодой маг прекрасно понимал, что, будь у него время подумать, он никогда бы не стал решать столь простую проблему столь сложным способом. Он тяжело вздохнул и попытался выпрямиться, но от этого лишь сильнее сполз вниз, к самому полу.

Над ним уже стоял Мэлокайн, озабоченный, весь в пыли и крошке, но при этом, в отличие от брата, готовый идти куда угодно и драться с кем угодно. Он поддержал Руина за локоть и помог выпрямиться.

– Ты как вообще? Слушай, что с тобой?

– Да так... Один трюк.

– Однако отличный трюк. На пустом месте испариться... Я видел. То есть не видел. И эти дуболомы тебя не учуяли. Это важнее всего. Я раньше думал, что заклинание невидимости фонит.

– Правильно думал, – Арман, кряхтя, поднялся. – Это было не заклинание невидимости... Ёлки, давай-ка, дальше ты будешь выбирать более безопасный путь, а? Я, кажется, расплатился за это исчезновение изрядной толикой своей удачи.

Об Ответе на свой Вопрос он как-то не вспомнил. Он не помнил даже, о чем именно Спрашивал.

Они добрались до каких-то совсем уж безжизненных коридорчиков, и там Руин вздохнул с облегчением. Ему казалось, что больше половины дела уже сделано, и раз здесь им вряд ли кто попадет на пути, то и бояться больше нечего. Он продолжал держаться настороженно, но лишь потому, что в пути им могли встретиться магические ловушки. Но ловушек не было.

Мэлокайн уверенно подошел к неприметной дверке и сунул в замочек, больше напоминающий трещинку в камне, отмычки. Откуда у него взялись настоящие высококлассные отмычки с магическими функциями, за которые любой взломщик отдаст много тысяч, можно было лишь догадываться. По крайней мере, орудовал ими ликвидатор с подлинным вдохновением. Замок вскоре поддался, и Мэл затолкал младшего брата в темный коридор с такой торопливостью, словно имел значение каждый миг. Руин не спорил. Мало ли что его спутник знает или чувствует.

Дверь захлопнулась, замок снова щелкнул, на этот раз запираясь, и они оказались почти в полной темноте. Арман обхватил брата за запястье, сжал, но тот не ответил, лишь потянул за собой. Пол под ногами был ровный, и, нащупав рукой стену справа, молодой маг почувствовал себя увереннее. Вскоре свет стал ярче, хоть и оставался рассеянными, и Руин увидел, что коридор заканчивается аркой, а за ней – небольшая зала, в которую бледный свет проникает через огромные окна, прорезающие одну из четырех стен зала... Нет, двух, потому что одна стена, как оказалось, была полукруглой, и зальца напоминала половинку гигантской сырной головы.

На ровной стенке поместилось три огромных окна, застекленных гигантскими пластинами хрусталя, а полукруглую скрывали грубые ниши, когда прикрытые дверками или стеклом, когда и нет. Едва мужчины переступили порог зальцы, Мэлокайн тут же кинулся к нишам, на бегу сбрасывая с плеча заплечный мешок. А Руин шагнул к окнам.

Он подходил к ним с осторожностью, как ловец змей к разозленной королевской кобре с ярким рисунком чешуек на голове и капюшоне (знатокам известно: чем ярче расцветка ядовитой змеи, тем больше яда у нее в запасе). Он пока и сам не понимал, откуда такая опасность, но сейчас, почувствовав урон в собственной природной магии после общения с Основой Вселенной, старался быть осторожным. Пусть даже и чрезмерно, может быть, даже смешно... Но лучше быть осторожным.

Оказалось, что зальца на самом деле – это застекленный балкон, который по сравнению с той залой, в которую выходил, казался не больше, чем ошметок коры, повисший на стволе огромного пятисотлетнего дерева. Ту гигантскую залу и залой-то назвать было нельзя. Наверное, когда-то это была пустота в горе, настолько грандиозная, что свет огня, разоженного на ее дне, не добирался даже до выступов на середине стены этой грандиозной пещеры, а уж до купола добрался бы лишь, наверное, самый яркий огонек.

Потом пришли люди, они отделали пещеру и превратили ее в чертог, достойный большого заклинательного покоя или храма. С балкончика, прилепившегося где-то посреди высоты, открывался грандиозный вид, и, пристроившись рядом со стеной, Руин убедился, что пещеру теперь использовали как храм. Вскоре он понял, что может не таиться, потому что свет, текший на застекленный балкон, исходил только снаружи, и сквозь хрусталь из пещеры его невозможно разглядеть. Зачарованный зрелищем того, что происходило в странном храме,

Арман буквально прилип к одному из «окон» и замер, не обращая внимания на шорохи за спиной.

Далеко внизу плотными рядами двигались фигурки в длинных балахонах. Движение это напоминало колебание воды под действием течения, и что же эти люди делают там, молодой маг не мог понять. Посреди пола – неровного, изобилующего ступеньками и оставленными зачем-то природными валунами – располагалась огромная чаша, из которой истекал пар, плотный, как вода. Еще какой-то странный столб, похожий на ошкуренное, лишенное сучьев дерево, был прислонен к противоположной стене, и еще что-то, и еще... Руин был уверен, что он разглядел далеко не все.

Его ошеломило ощущение силы, исходящее оттуда. По стенам плясали огни, преломляющиеся в мириадах граней (многие из фигурок в длинных балахонах держали факелы), и эти искры казались ему осколками магии, наполняющей огромную залу. Магия была какой-то странной. Впитывая в себя ее отголоски, Арман с изумлением понимал, что имеет дело с чем-то странным и необычным. Он знал вкус и черной магии, и белой, и здесь – нет сомнений – имел дело именно с магией... С магией.

Он, конечно, понял, в чем дело, но не стал делать никаких выводов. Да и важно ли, как назвать явление – гораздо нужнее его исследовать и, возможно, использовать. В какое-то мгновение Арман почувствовал закономерность в движениях закутанных в балахоны фигурок, а потом заметил, что плотный пар из каменной чаши уже не струится, а поднимается столбом к куполу. «Они проводят какой-то обряд, – подумал молодой маг. – Именно для того, чтобы накопить силу, эту странную силу, у которой нет названия».

Он раскинул руки и прижал ладони к хрусталу. Потому что в переплеты и был вставлен хрусталь, а не стекло. Хрусталь лучше держится при контакте с магией, в отличие от стекла, которое просто растекается лужицей. Но он не помешает контакту мага с энергией прямо сквозь него. Руин умел обращаться с хрусталем, который являлся одновременно простой кристаллической и сложной магической структурой, умел вытягивать энергию сквозь него, а также и из него, если она там была.

– Эй, с тобой все в порядке? – заволновался Мэлокайн. – Смотри, что тут есть...

– Подожди, – пробормотал Руин сквозь зубы.

Сложнее всего было подключиться к источнику. Сила клубилась над чашей, как облако, концентрация ее была такова, что при неосторожном обращении с нею маг просто мог перестать существовать. Как схватка двух неравных сил, где побеждать должен сильнейший, так и поединок чародея с источником энергии по логике был предрешен. Но здесь, как всегда, в действие вступал неучтенный фактор – воля. Средоточие силы было лишено воли, поскольку не обладало душой, и здесь человек мог рассчитывать на небольшое, но преимущество.

Впрочем, такое ли оно небольшое? На человеческой воле держится весь мир, населенный людьми.

Руину никогда не приходилось сражаться с источником такой живой мощи, но одновременно он чувствовал удивительное сродство с этой силой. Это сродство изумило его самого и тем наитием, которое одно и способно найти для человека гениальный ход. Руин немедленно перестал давить и попытался с уверенностью призвать силу к повиновению.

Он развел руки еще шире и теперь, казалось, был распят на плоском куске хрусталя. Ему представлялось, что собственная воля вывернула его наизнанку и распластала по кристаллическим «стеклам» балкончика. Но зато теперь он был единым целым с энергией, превратившейся уже в густо переливающийся всеми цветами радуги столб. Теперь он уже упирался в купол пещеры, и его сияние могло бы ослепить... Но лишь того, кто сумел бы увидеть.

Руин и сам не заметил, как погрузился в силу с головой. Теперь она существовала лишь для него, а он – для нее, и это было сладостно, как любовь с первой в жизни мужчины женщиной. Но даже в подобном забвении наслаждения Арман не терял контроля над собой. Дав-

ным-давно, после того как юноша без разрешения наставников и отца искупался в дворцовом источнике и с трудом уцелел, но вскоре понял, в чем суть его ошибки, он начал учиться всегда контролировать себя. Молодой маг весьма скоро осознал, что сделал свое тело пристанищем самой стихии, которая, вырвавшись на свободу, способна смести с лица земли и людей, и строения – словом, все. Стоило Руину зайти в ярости или как-то иначе выйти из состояния равновесия, как скрепы контроля слабели, и он буквально ощущал опасность, которую представляет собой. Потому он и не позволял себе потерять контроль над собой.

И сейчас его сознание оставалось трезвым, а чувства – холодными. Он вбирал в себя силу, а она не иссякала, и провальский принц лишь изумлялся, как много магии смогло войти в него. Он уже не мог остановиться и не хотел, потому что с каждым мгновением зрение его становилось все многограннее, слух – все более объемлющим, чувства – обостреннее. Ему казалось, он обновляется. Ему казалось, он рождается заново.

Одновременно он понял, что имеет дело с такой магией, с которой тот же Мэлокайн никогда бы не справился. И не потому, что он толком ничему не учился, а потому, что по иронии судьбы у него не случилось отца – черного мага. Что-то все-таки было в пресловутой «теории серой магии», Руин всегда подозревал это. У него не было желания говорить себе: «А все-таки она существует», но только потому, что это не имело значения. Все, что угодно, можно обдумать потом.

Арман и не заметил, как вобрал в себя почти все, с чем смог соприкоснуться, и, испуганный масштабами собственных возможностей, открывшихся так внезапно, опустил руки, повернулся к Мэлу. Тот стоял рядом и смотрел на брата с тревогой и вниманием. В руке он держал разбухший заплечный мешок.

– Ты все? – бесстрастно спросил Руин.

– Ну да. Что с тобой?

– Давай-ка ноги в руки. Я сейчас спер у серых большую часть той энергии, которую они собрали сообща.

– Э-э... Но как же мы в таком случае сбегим? Ты, кажется, расшевелил осиное гнездо.

– Теперь, пожалуй, прятаться уже бессмысленно, – как бы раздумывая, произнес Арман. – В таком случае... Я поставлю портал прямо отсюда.

– Постой... Здесь же фон!

– Мне он больше не помеха.

И Руин поднял руки.

Он сам себе казался всемогущим.

Портал расцвел в воздухе, как бутон розы, распахнулся прямо перед братьями и залил голубоватым сиянием всю полукруглую залу. Никогда прежде Руину не удавалось так непридуманно и зрелищно открывать врата между мирами. Разумеется, у него хватило ума не оставлять возможным преследователям явного следа и не ставить прямой портал. Даже если хорошо замаскировать выход портала или стереть его, есть небольшая вероятность, что мастера магического анализа все-таки распутают след и вычислят, куда скрылись непрошенные гости.

Если же путешественники имели дело с хорошими специалистами, такими, например, которые с неизбежностью должны были найтись в Сером Ордене, небольшая вероятность превращалась в огромную.

Существовало несколько возможностей. Можно было превратить путь домой в целую серию порталов и отдельно поработать над каждым, надеясь, что распутывать десяток заклинаний будет ровно в десять раз труднее, чем работать с одним. В десять раз проще ошибиться. Можно, если есть желание и запас энергии, создать с десяток ложных порталов – получится то же самое. Можно придумать еще с десяток хитростей. Самым выигрышным считается портал, поставленный на или через магическую аномалию, которая просто «съедает» следы чар.

Руин решил выбрать самый сложный вариант, который представлял собой комбинацию сразу нескольких подобных хитростей. Он молниеносно – Мэлокайн не успевал оглянуться, понять, где же именно находился «перевалочный пункт», в мире Белой или Черной стороны – поставил целую серию порталов, и многие из них проходили через аномалии. Это чувствовалось: всякий раз кожу буквально опаляло ощущение близкой опасности. Аномалии были самые разные, в том числе и очень опасные, но лишь для тех, кто полезет в самый центр или задержится там надолго.

Они вывалились на колкую, подсушенную солнцем траву, и в первый момент ликвидатора буквально ошеломила запах полыни, ударивший в ноздри. Он поднял голову, но сперва не увидел вокруг ничего, кроме колышущихся стеблей, многие из которых по толщине могли бы соперничать со стволиками десяти– или пятнадцатилетних деревьев. Лишь приподнявшись на коленях, он убедился, что это просто-напросто степь, и ничего особенного...

– Вообще-то, лесостепь, – возразил Руин, тоже поднимаясь с земли. – Иначе нам пришлось бы нелегко. В степи туго с топливом для костра.

– Мы здесь надолго?

– Ну уж на ночь – точно.

– Энергия кончилась? – сочувственно поинтересовался Мэлокайн.

Арман зачем-то поднял правую ладонь и внимательно осмотрел ее с обеих сторон. Потом покачал головой.

– Нет, энергии сколько угодно. У меня ее еще никогда не было так много. Я чувствую себя ходячим источником. Подозреваю, это ненадолго, но уж на пару-то суток хватит. И я хотел бы, чтоб энергия иссякла до того, как я окажусь в Центре. У обилия силы, не подкрепленной должным магическим уровнем, есть один недостаток – она здорово фонит. Я буду обращать на себя слишком много внимания. Этого стоило бы избежать. Ни к чему нам разбирательства в службах центритской безопасности, ни погоня алчных до чужой силы магов за мной лично.

– Согласен, – Мэлокайн повел плечами и спустил на землю разбухший заплечный мешок. – Значит, поторчим здесь денек-другой. Что ж... Кажется, тут довольно тепло. Жаль, что с собой нет нормальных одеял.

– Ночью будет тепло, – равнодушно ответил Руин. – К тому же, если не понравится здесь, можно будет перебраться в какой-нибудь мир по соседству.

– А где мы? Примерно?

– На границе Белой стороны. Довольно далеко от Асгердана, хотя это лишь временно. Как только изменится астрологическая конфигурация миров, окажемся ближе. Тебе надо точнее?

– Ну вот еще. Я ж не маг. Зачем мне знать, – ликвидатор зевнул. – Ты у нас спец, ты и отдувайся.

– Ладно, – молодой чародей оставался невозмутим, как скала. – Тогда отправляйся за дровами. Каждому свое.

Мэл хмыкнул, но возражать не стал, отправился за дровами. Степь покрывали такие высокие и мощные стебли полыни и каких-то еще растений, что они больше напоминали низкорослые деревья. Но никакая, самая мощная трава не годилась в костер, пока не высохла под солнцем, впрочем, и тогда она стоила немногого. К счастью, недалеко от места, где мужчины выпали из портала, высилась скудная купа старых, мощных деревьев, и ликвидатор направился туда в надежде, что хоть какой-нибудь валежник попадетс ему если не там, то хотя бы рядом.

К его удовольствию, в густой зелени у корней деревьев он обнаружил огромный ствол дерева, упавшего, судя по всему, сравнительно недавно. В вещах у Мэлокайна всегда имелся небольшой зачехленный топорик, теперь он вытащил его и занялся деревом. Конечно, справиться с огромным стволом без пилы нелегко, но опыта путешествий у ликвидатора хватало, и через час он явился к месту стоянки с огромной охапкой толстенных щепок. Еще в несколько приемов он приволок огромные, криво обтесанные поленья.

Руин тоже не сидел сложа руки. Он вырвал траву на небольшом пространстве, очистил землю и сложил стебли полыни двумя душистыми охапками, на которых удобно было валяться, и разложил на земле вещи. В стороне от предполагаемого ночлега порылся в земле при помощи ножа; немного магии – и в ямке заплескалась вода, достаточно чистая, чтоб использовать ее при готовке. Еды оставалось совсем немного, но должно было хватить хотя бы на один раз. Наутро Арман надеялся на какую-нибудь охотничью добычу.

Ночь рушилась на степь стремительно, как лавина несется с гор. Синее небо расцвело всеми оттенками алого, желтого, даже белого, цвета сменяли друг друга, как переливы в гранях драгоценного камня, и не успели двое мужчин, занятых костром и едой, налюбоваться красотой степного заката, как сияние потухло и, больше не споря по яркости с живым пламенем, утекло за горизонт. Еще какое-то время – довольно долго – память о дивном зрелище хранила тонкая полоса бледного света, украшающая горизонт на востоке, а небо тем временем уже жило по законам ночи: бархатное, темно-кобальтовое, с частой, будто крупинки рассыпанной соли, россыпью звезд.

Они сидели у костерка, разожженного в безопасной дали от степной травы – мало ли что – и терпеливо ждали, пока подспеет каша. В кашу Мэл вывалил последнюю банку тушеной говядины, он и сам теперь подумывал, где бы добыть свежего мяса. При нем были только его ножи да огнестрельное оружие, которым не хотелось тревожить покой степи, тем более что это может оказаться небезопасным. Потому он и обдумывал вариант перепоручить охоту брату. Он – маг, может, чего и наколдует.

– Слушай, брательник, а тут в степи водится кто-нибудь съедобный? – спросил он неторопливо.

– Как в любой степи, конечно. Козлы всякие, сайгаки.

– А, сайгаки хороши в печеном виде. Или в вареном. Для жарки они слишком жесткие.

– ...К слову сказать, суслики, говорят, очень даже ничего на вкус.

– Ну нет, суслик – это не для меня. Сам лови, сам ешь...

– Подумать только, – беззлобно расхохотался Руин. – Я всегда считал тебя самым неприхотливым в еде человеком. А ты, оказывается, требователен и брезглив.

Ликвидатор ответил ему долгим задумчивым взглядом.

– Что такое требовательность и брезгливость, я уж и забыл, если вообще когда-то помнил. Кого мне только ни приходилось есть. Кажется, я пробовал все, что так или иначе двигается по земле, по воде или в воздухе. И насекомых, и змей, и жаб, и тех же сусликов. Ты вообще представляешь себе размер среднего суслика? И сколько их нужно наловить, чтоб насытить взрослого человека? Да и было бы за чем бегать, тоже мне деликатес! Тьфу. Нет, сайгак – самый лучший вариант.

– Можно и сайгака. Лишь бы попался.

– А поискать с помощью магии сможешь?

– Отчего же нет? Смогу. Даже приманить, наверное, смогу.

– А прибить?

Арман задумался. Пожал плечами.

– Посмотрим. Попробую.

Сняв с огня закопченный котелок, Мэлокайн, как уже привык, придвинул его брату, но тот отрицательно покачал головой и, откинувшись назад, лег головой на охапку полыни, прикрыл глаза. Он чувствовал легкую тошноту и пресыщение – послевкусие очень мощной магии – ни о какой еде, конечно, не думалось, хотелось только одного – отдыха. Молодой маг понимал, что перенапрягся в логове Серых, и теперь не хотел ни к чему себя принуждать. Магия неспешно ходила в нем, как воды реки под толстой коркой льда.

Мэлокайн ополовинил содержимое котелка и снова предложил кашу с мясом брату, но тот, поковырявшись в еде, вернул ее ликвидатору. Тот отказываться не стал, а потом, чтобы не возиться лишний раз с мытьем котелка, тщательно выскреб его ложкой.

– Ты на свой экзамен-то не опоздаешь, школяр? – облизывая ложку, осведомился он. – Когда тебе нужно в Галактис?

– В течение двух недель, – лениво ответил Руин. – И не экзамен у меня, а сдача на уровень.

– Ха, – обрадовался Мэл. – Будешь натуральным магистром! Долго же ты тянул.

– Долговато, согласен. Но теперь уж наверняка.

– Тогда после сдачи добро пожаловать к нам. Посидим, отметим. У меня есть отличное вино.

– Да ладно ты со своим вином. Вот сестру я уже почти полгода не видел – это да.

– Ты загнул. Четыре месяца назад был у нас в гостях.

– Да? Я и забыл. Все равно давненько.

– Согласен. Моргана спрашивала, что у тебя и как.

– Что же не заехала ко мне?

– Ну, ей это сейчас затруднительно. Она ведь беременна.

Руин приподнялся на локте.

– Ага, брат всегда все узнает последним. Снова, что ли?

Мэлокайн фыркнул и подволок к костру еще одно полешко.

– Понятное дело. Снова.

– Не рановато ли заводить очередного?

– Это ее выбор. Я предлагал побережся, к врачам водил. Но все врачи в один голос твердят, что «у мадам прекрасное здоровье, она просто создана для материнства», хотя и признают, что стоит побережся. Но ты же знаешь сестру. Она обожает детей, а теперь постоянно твердит, что двух мальчишек ей достаточно, и она хочет дочку.

– Будем надеяться.

– Точно. Тут уж как повезет.

– Напомни, сколько уже твоему старшему?

– В этом году будет девятнадцать. А второму – восемнадцать. Уже поступил в Галактис и вовсю раскручивает свою фирму. Помнишь, я тебе говорил – канцелярские принадлежности?

– Да, припоминаю.

– Боевитый молодой человек. Далеко пойдет.

Они помолчали. Ощущая, как внутри волнами ходит магия, Руин думал, что живет с женой уже двадцать лет, а она никак не беременеет. Впрочем, здесь пенять не на кого, у бессмертных часто возникают проблемы с репродукцией. Да и можно ли назвать проблемой данность, при которой ни здоровье партнеров, ни их воля не имели никакого значения? Бывало так, что совершенно здоровая бессмертная пара не могла завести ребенка на протяжении столетий. Что по сравнению с этим какие-то двадцать лет?

Просто Руину очень хотелось ребенка, и непременно от любимой женщины. Он делал вид, что ему все равно, лишь для того, чтоб не огорчать Катрину. Его жена считала, что это неправильно: так долго не рожать мужу наследника. После пяти лет брака она принялась ходить по врачам, тая в душе страх, что окажется бесплодной. Но лучшие гинекологи Асгердана заверили ее, что она совершенно здорова, способна иметь детей, просто еще недостаточно взросла для деторождения. Что просто по возрасту своему еще не до конца физически созрела для того, чтоб стать матерью.

Тогда Руин совершенно успокоился. Для него не имело большой разницы, сколько ждать – сто или двести лет – он собирался прожить с Катриной куда больше лет, готов был

ждать очень долго. И лишь когда вспоминал о том, что у его сестры и брата уже трое детей, задумывался, как было бы здорово, если бы и в его доме появилась детская.

Брак Мэлокайна и Морганы начал вызывать вопросы у законников уже двадцать лет назад, когда двое клановых имели неосторожность обратить на свой союз внимание. Формально он был заключен по закону, поскольку в тот момент, когда брак регистрировался, никто не знал, что невеста и жених – практически полнородные брат и сестра. К тому же выяснилось, что оба они принадлежат к одному из центритских кланов, следовательно, подлежат безоговорочно лишь уголовному суду, а гражданскому – с оговорками. Строго говоря, лишь патриарх мог объявить их брак недействительным, но он не спешил это делать.

Пока Блюстители Закона (а у них и так хлопот был полон рот) колебались и ждали, что же решит глава клана, да, убедившись, что Мэрлоту Мортимеру нет дела до брака брата и сестры, собирались вмешиваться в эту ситуацию сами, Моргана забеременела. А по всем законам Асгердана брак не мог быть расторгнут или объявлен недействительным без согласия супруги, пока женщина не родит и ребенок не достигнет трех лет. Пока рос старший мальш, у пары родился еще и младший сын. «Срок молчания» продлился еще на три года, и со временем дело как-то заглохло. У законников дел всегда было по горло, особенно теперь, когда воспоминания о Программе Генетического преобразования все еще так свежи. Да и недоразумения случались.

Так что Мэлокайн и Моргана по-прежнему состояли в законном браке – единственный подобный пример в Асгердане. Руин убедился, что сестра совершенно счастлива. Беспокойство тревожило его довольно долго, потому что о страхе Морганы перед мужчинами и близкими отношениями с ними он знал. Молодая провальская принцесса, редкостная красавица, шараялась от всех мужчин, которые пытались за нею ухаживать, даже если те вели себя крайне корректно и вежливо. После того как брак Мэла с его сестрой стал, что называется, настоящим, отношение девушки к посторонним мужчинам ни на йоту не изменилось, и это насторожило Руина особенно.

Однако он быстро уяснил, что если все остальные мужчины его сестре так же отвратительны, как и раньше, то на ликвидатора это не распространяется. В его объятиях она чувствовала себя вполне комфортно, с радостью рожала мужу детей, и старший Арман совершенно успокоился.

Теперь, лениво поглядывая на Мэла, он развлекал себя мыслями, что же такого нашла его утонченная сестра в этом гиганте. Он добродушен и производит впечатление человека не слишком сообразительного, хоть и очень славного. Лишь прообщавшись со старшим братом почти сорок лет, молодой маг сумел оценить остроту и стремительность его мысли, глубины интеллекта. Мэлокайн оказался отличным братом, отличным отцом, первосортным другом.

Но все-таки время от времени его необразованность и простодушная прямолинейность давали о себе знать. С ним не поговоришь ни об искусстве, ни о проблемах высшей магии, и литература его не слишком интересует. По сравнению с Морганой, которая как представительница царствующей фамилии мира под названием Провал получила весьма неплохое для женщины Черной стороны образование, он – человек необразованный.

Но Моргана искренне любит его. И утверждает, что ей с ним «интересно». Загадка.

– Эй, ты о чем задумался? – добродушно спросил ликвидатор. – Или спишь?

– Нет, не сплю. Я вот о чем подумал. У тебя же два сына, так?

– С этим утверждением не поспоришь.

– Значит, как минимум один из них – младший, – поневоле включаясь в полушутливый тон разговора, добавил Руин.

– Тоже верно.

– Значит, нам надо поспешить.

– В смысле?

– В том смысле, что пора заняться проклятием рода Мортимер. Не желаю, чтоб из-за какого-то придурочного мага погиб один из моих племянников. Или мой собственный сын, если, к примеру, судьба и Катрина подарят мне двух наследников.

Мэлокайн долго смотрел на брата в молчании. Потом неспешно и уже без какого-либо шуточного оттенка спросил:

– А ты считаешь, тебе это под силу?

– Тому, что однажды сделал один человек, вполне сможет противостоять другой.

– И потом, знаешь, Дэннат, мой младший сын, или там твой отпрыск, которого еще нет в проекте, лишь второй на очереди. После тебя и Дэйна, как ни неприятно мне об этом напоминать.

– Ну, я не слишком боюсь проклятия, – хладнокровно и с самонадеянностью истинного мастера магического искусства ответил Руин. – Еще посмотрим, кто выиграет в схватке, я или наследство какого-то болвана.

Глава 2

В безднах памяти бродишь, как в лабиринте – никогда не знаешь, куда приведет тебя непрошенная мысль. Иногда кажется, что воспоминания живут отдельно от тебя. Ты толком и не помнишь обстоятельства прошлых лет, потому что не уделяешь им никакого внимания. Но потому вдруг, по какой-то прихоти сознания, а может, и самого бессознательного, чьи резоны человеку совсем непонятны, всплывает перед глазами какое-то обстоятельство, как правило, неприятное. И ты долго тщишься изгнать его из своей головы – это бессмысленно. Приходится переживать заново, с самого начала и до самого конца.

Наверное, чаще всего это случается тогда, когда человек полуосознанно пытается переосмыслить свои былые ошибки. На воспоминания о давних происшествиях он наталкивается по аналогии. Слишком часто подобное происходило с Эмитой, и она склонна была винить в этом одну себя, хоть и не понимала, в чем же на самом деле ее ошибка.

Еще девочкой она с трудом сходилась со сверстницами, как, впрочем, и со сверстниками. Они считали ее нелюдистой и угрюмой, а девочка просто слишком много думала и копалась в себе. Она устремляла пылкий взор на окружающих, пытаясь понять, каково же их место в мире, и таким образом определить и свое собственное место. Она всегда казалась себе какой-то неприкаянной.

Разумеется, в раннем детстве подобные соображения ее совершенно не тревожили. Она просто жила, как и все дети, когда пугаясь, а когда восхищаясь окружающим миром, и все принимала как должное. Достигнув восьми лет, она пошла в подготовительную школу, оттуда перешла в обычную, и лишь лет в двенадцать начала задумываться о том, что казалось ей странным. От девочки никогда не скрывали, что она – не дочь Морганы, но до поры до времени ее это совершенно не волновало.

А потом вдруг стало волновать.

У мачехи хватало бы любви на десяток приемных детей. Она была добра, ласкова и внимательна, но все-таки собственных детей любила чуточку больше, чем дочь Тайарны Эмит из Блюстителей Закона. Это проявлялось в таких мелочах, которые могла бы заметить лишь самая мнительная девушка (юношам подобная пронизательность просто не по плечу). Эмита мнительной не была, но все замечала: какие-то особенные взгляды, улыбки, то, как Моргана ерошила волосы сыновьям, как вздыхала, когда говорила о них.

Если дочь Мэлокайна и ревновала, то совсем немного. Дело было не в ревности. Она просто ощущала себя лишней – такое случается с подростками – и потому замыкалась в себе, часто и подолгу сидела в своей комнате, от смущения не шла на контакт с мачехой, которая искренне пыталась обсуждать с девочкой те вопросы, которые обычно обсуждают с дочерьми хорошие матери. И так Моргана привыкла к тому, что Эмита предпочитает одиночество.

Зато с отцом ее общение с самого начала протекало легко и непринужденно, и если Эмита не поверяла ему некоторые свои тайны, то лишь потому, что опасалась, как бы он не кинулся решать ее проблемы. Дело-то было в том, что ее отношения со сверстниками портились не по дням, а по часам. Помимо школы она еще с удовольствием посещала спортивные секции и, уже будучи четырнадцатилетней от роду, изъявила желание заниматься у мастера военного дела. И там все чаще стала сталкиваться с юным законником, сыном Артаны Гиады, который невзлюбил дочь ликвидатора с таким пылом, на который способен лишь подросток. Поскольку если уж пятнадцатилетний юноша любит или ненавидит, то лишь от всей души. Наполовину чувствовать он не умеет. А Гвеснер Гиад ненавидел Эмиту вдвойне: и как дочь ликвидатора, и как представительницу клана Мортимер. А в последний год – еще и как дочь Тайарны Эмит.

Гвеснер был красивый молодой парень с задатками лидера, и у него было немало друзей, не блистающих умом, зато крепких и гордых тем, что они дружат с законником. Эта дружба

казалась им великой удачей и залогом будущих успехов. Большинство мальчишек, учившихся вместе с Гвеснером, не относились к числу клановых, и, хотя выросли в семьях более чем обеспеченных, страдали, что лишены права задирать нос перед всеми окружающими и не могут похвастаться высочайшим происхождением.

А рука законника казалась им надежной. Пожалуй, поначалу они относились к Эмите с беспримерным равнодушием. А за что им было ее ненавидеть? Ну, Мортимер и Мортимер, мало ли Мортимеров на свете? Внешность ее была такова, что молодые люди обратили бы на нее внимание в последнюю очередь. Нет, она была довольно привлекательна – не красива, но привлекательна, хотя среди красавиц-бессмертных и особенно клановых ее прелесть была почти не заметна. Прекрасно, просто на зависть сложена. Но вот рост ее, пожалуй, подкачал. В пятнадцать лет в ней от затылка до пяток было почти сто восемьдесят сантиметров.

А какого мальчика-подростка привлечет такая спутница? Бессмертные юноши окончательно вытягиваются лишь годам к восемнадцати-двадцати, а то и позже. Вряд ли подросток, нашпигованный комплексами, как подсолнух – семечками, захочет видеть рядом с собой девушку выше себя. К тому же Эмита держалась независимо, всем видом своим говорила, что способна сама постоять за себя. Сочетание этих свойств делало ее неподходящим объектом для ухаживания.

Так что Гвеснеру ни к чему было злиться на нее за отказ ответить ему взаимностью – ее взаимность была ему не нужна. Сперва он презирал ее за то, что она единственная не испытывала преклонения перед его кланом и им самим, как представителем этого клана – мол, что еще ожидать от Мортимера. Но время шло, ничего не менялось, и презрение Гвеснера переросло в ненависть к девушке. Он, пожалуй, и сам не понимал, за что ненавидит ее.

Сперва будущий законник не думал о том, что девушка эта стоит того, чтоб из-за нее беситься. Но потом раздражение дошло до такого градуса, что ради достижения своей цели он был уже готов почти на все, что угодно. Он мечтал «поставить девушку на место». Сперва ему пришло в голову соблазнить ее, а потом, наиздевавшись всласть, бросить, но ничего не вышло. Эмита не торопилась радостно бросаться к нему в объятия, да и внимание представителя клана Блустителей Закона почему-то не польстило ей.

Это открытие повергло Гвеснера в растерянность, правда, ненадолго. Дальше он больше не рассуждал, только чувствовал.

Эмита всегда являлась на тренировку чуть раньше, и на этот раз лишь удивилась, что остальные ее одноклассники, посещавшие того же наставника, что и она сама, уже собрались. Но, в конце концов, это не ее дело. Она сама приходила в спортзал минут за двадцать до начала занятий, чтобы без помех размяться на тренажерах, а уже потом – со всеми. Она считала, что это гораздо полезнее. Девушка переоделась в раздевалке и вернулась в большой светлый зал, где стояли тренажеры, а сбоку были стопкой сложены толстые маты.

Но Гвеснер не дал ей подойти к шведской стенке, где она предпочитала разминаться. Он встал у нее на пути и осведомился:

– Что, поговорим?

– Мне не о чем с тобой говорить, – она попыталась обогнуть его, но парень не позволил.

– Что же так? Или у Мортимеров в кои-то веки язык присох к горлу?

Пятеро ребят, стоявших неподалеку, расхохотались как один, будто Гиад произнес что-то до ужаса остроумное. Эмита поморщилась и попыталась его обойти. Ей это не удалось.

– Ну, в чем дело? – недовольно спросила она. – Чего тебе надо?

– Я не закончил разговор с тобой.

– А я его и начинать не хотела.

– Кто тебя спрашивал? Ты будешь делать то, что захочу я.

– Какая самоуверенность. Откуда только взялась? – задумчиво произнесла Эмита. Она всегда была довольно сдержанной.

Казалось, только этих слов он и ждал. Резко попытался сцапать ее за руку, и, хотя девушка этого не ожидала, она успела податься назад и поставить руку так, что ее без труда удалось вырвать. Эмита двигалась мягко и быстро, Гвеснеру не удалось схватить ее и во второй раз, да он не слишком и старался. Он просто попер на нее, уверенный, что с девицей всегда справится, превосходя ее физической силой. Церемониться с девчонкой-Мортимер он не собирался и почти сразу попытался ее ударить.

Она слегка развернулась, пропустила его руку мимо себя и ткнула локтем. Не слишком сильно, но чувствительно – локти у нее оказались острые. Парень невольно согнулся, и тут девушка хорошенько дала ему по шее, с такой силой, чтобы уронить на пол, но ничего не сломать. Этот набор самых простых приемов отец принялся вдалбливать дочке, едва ей исполнилось двенадцать. Гиад действительно упал, но тут же, перекатившись, вскочил на ноги.

А на Эмиту слаженной кодлой налетели пятеро приятелей Гвеснера. Они не отличались умением, но их было много, и большой толпой они могли задавить кого угодно. Девушку, пытавшуюся отбиваться, они сбили с ног и скрутили так ловко, будто отродясь ничем больше и не занимались. Заломили руки так сильно, что у нее потемнело в глазах, и она прикусила губу, лишь бы не закричать. Будто сквозь туман услышала голос Гиада:

– Тащите ее на маты.

В голову Эмите пришла нехорошая мысль, и она пыталась сопротивляться, но не тут-то было. Пока ее тащили, руки не отпускали ни на миг, наоборот, подтягивали их все сильнее и выше, так что удержаться от стога стоило немало усилий. А потом, когда кинули лицом вниз, сверху немедленно устроился Гвеснер и с необычайной ловкостью связал девушке руки. Задрал ей футболку.

– А теперь я тебе покажу твое место, дура, – предупредил он.

Дальше звякнула пряжка, и дочери Мэлокайна стало противно. Но к ее поясу парень не притронулся. Вместо этого в воздухе что-то тонко свистнуло, и ее обожгла боль, пронзившая тело от затылка до пят. Эмита вцепилась зубами в мат, хотя, казалось, это было невозможно, но стон все-таки вырвался; от этого ей стало еще больнее.

А удары посыпались градом, и она поневоле догадалась, что мучитель решил попросту выпороть ее ремнем. Вскоре боль стала не такой острой, вполне терпимой, и девушка просто морщилась, чего, впрочем, никто не видел. Вздрагивая от ударов, она думала только о том, что если учитель не придет вовремя, то, возможно, поркой и не ограничится. Правда, она не слишком верила в это, потому что в таком месте и в такое время Гиад слишком просто может попасться кому-нибудь на глаза, и тогда изнасилование закончится для него неприятностью.

Но, может быть, он понадеется на родственников, которые смогут его избавить от суда и наказания, если захотят.

Гвеснер лупил недолго. Потом он развернул ее к себе и поинтересовался:

– Ну, хватит тебе? Поняла, где твое место?

– А ты не напомнишь, какая это статья? – слегка задыхаясь, спросила Эмита.

– Сука. Отродье ликвидаторское, – выплюнул он и замахнулся ремнем.

А через мгновение – он даже не успел ее ударить, хотя и вряд ли собирался сделать это на самом деле – какой-то вихрь расшвырял подростков и сбросил Гвеснера с девушки. Эмита извернулась и увидела, что вихрь этот очень уж напоминает ее отца, который успел схватить полетевшего было в сторону Гиада и резко дернул его на себя. Сперва девушке показалось, что это все-таки не Мэлокайн, а лишь похожий на него человек, потому что таким своего отца она еще ни разу не видела – застывшее серое лицо, острый взгляд и стиснутые в тонкую нитку бледные губы.

Мальчишки разлетелись от него, как щенки от здорового разъяренного волкодава. Двое или трое из пятерых все-таки попытались «вломить чужому дядьке между ушей», но, получив по чувствительным местам, покатались на пол. Гвеснер тоже попытался вырваться, но

с таким же успехом он мог пытаться выкарабкаться из каменных колодок. Ликвидатор держал мертвой хваткой. Он мигом накрыл взглядом весь зал, заметил и скрученные за спиной Эмиты руки, и ее задранную футболку, и валяющийся рядом ремешок.

Ловко подхватил его с пола, перегнул схваченного подростка через колено и стащил с него штаны, пояс которых и так ослаб после того, как оттуда вынули ремень. Поудобнее прижал Гиада локтем и принялся хлестать его по заду. Парень извивался и вопил, в его голосе было больше всего злобы и негодования, чем боли или страха, но, впрочем, Мэлокайн не слишком долго усердствовал. Бил он куда сильнее, чем досталось девушке. А потом уронил жертву с колен и подскочил к следующему парню.

Те трое валялись на полу, изображая, как сильно их ударили, но как только первому из них досталось ремнем, воспоминание о пинке сразу стерлось из памяти, и подростки, подскочив, рванули к выходу. Впереди, шипя от ненависти, неся Гвеснер, придерживающий сползающие штаны. Они едва не смели с дороги наставника, который наконец-то появился в дверях, но даже не посмотрели на него. Ликвидатор, впрочем, тоже не интересовался, что там дальше будет с обидчиками его дочери. Он нагнулся над нею, распутал затянувшийся на ее запястьях длинный шнурок от мобильного телефона и помог подняться на ноги.

– Что он тебе сделал? – спросил он напряженно, – Что-нибудь серьезное сделал?

– Ничего серьезного, – Эмиту слегка шатало от напряжения, но она этого не замечала. Молчаливый наставник переводил глаза с Мэлокайна на его дочь. – Ерунда.

– Идем, – он решительно повел ее к двери. – Надеюсь, твой наставник не возражает?

– Нет, – мастер воинского искусства покачал головой. – Нисколько, разумеется.

Ликвидатор посадил дочь в свою побитую машину и молчал почти до самого дома. Правда, в сам дом он ее не повел, а потянул в небольшую пристройку – совсем маленькое строение с единственной комнаткой, где помещались только длинный, но узкий диванчик, широкое кресло и телевизор. Здесь Мэл отсиживался, когда возвращался прямо с работы в состоянии легкой, но тревожащей депрессии. Все в доме знали, что если отец семейства засел в пристройке, его нельзя тревожить, и когда ему что-нибудь понадобится, он придет и скажет, или, в самом крайнем случае, позвонит по мобильному телефону.

Мэлокайн усадил дочку на диван и попытался стянуть с нее футболку, но она не позволила.

– Доча, не дури, мне надо посмотреть.

– Там ничего нет, – возразила Эмита, краснея. – Ерунда, пара синяков.

– Вот и покажи мне свои синяки. Покажи.

Девушка со вздохом задрала футболку. Ликвидатор наклонился почти к самой ее спине, почему-то протяжно вздохнул и пошел к полочке в углу комнаты.

– Крови действительно нет. Но я смажу одной хорошей мазью, чтоб быстрее рассосались синяки. Вот так больно?

– Нет, – морщась, ответила она.

– Ну, и зачем врешь? Ладно, не важно. Я уже закончил. Коньячку?

– Со льдом и лимончиком, – бойко отозвалась Эмита. Это была их семейная шутка, что-то вроде обмена репликами, и если одна из реплик по той или иной причине пропадала, оба чувствовали себя не в своей тарелке. На самом же деле коньяк они пили только неразбавленный и без всяких лимонов, дочка – из рюмочки, отец – из кружки. Впрочем, он нечасто прибегал к подобной сильной тонизирующей порции спиртного.

– Момент, – Мэл открыл бар и разлил остатки коньяка из красивой фигурной бутылки. Принес дочери. – Вот. А теперь рассказывай. Если, конечно, хочешь. Не хочешь – не рассказывай. Я и так догадываюсь.

– О чем ты можешь догадываться! – девушка невольно покраснела.

– О том, почему тебя так не любит этот болван, отпрыск Блюстителей Закона.

– Ты его знаешь?

– Я знаю всех твоих одноклассников. А что касается законника, то его легко узнать. Как любого кланового.

– Как?

– Вырастешь – научишься. Опыт, только опыт. А били тебя из-за меня?

– То есть? – не поняла Эмита.

– Ну, то есть за то, что ты – моя дочь, я прав? Я слышал, что этот Блюстителеньш упомянул меня.

Девушка снова покраснела, будто отец застал ее в кустах с каким-то неизвестным парнем.

– И совсем даже нет, – сказала она, отводя глаза.

– Эмита... Они тебя шпыняли из-за меня?

– Пап, они просто черт знает что говорили о тебе! Не могла же я...

Мэлокайн смотрел на дочь с каким-то странным любопытством.

– А ты, разумеется, лезла доказывать, что они не правы.

– Пап...

– Послушай, детка, ты умная девчонка. Неужели тебе в самом деле не наплевать, что обо мне думает какой-то малолетний придурок?

– Но они называют тебя убийцей. Это же не так!

– А я могу назвать этого Блюстителенка проституткой. Что от этого изменится? Он же не пойдет на панель только потому, что его так обозвали.

Эмита украдкой фыркнула в кулачок, представив себе Гвеснера в сетчатых колготках.

– Так что давай договоримся, дочка, что на какую-либо ерунду, которую обо мне станут говорить, ты станешь реагировать цивилизованно. То есть никак. Договорились?

– Посмотрим.

– Эмита!

– Пап, давай я сама решу, на что и как мне обижаться, ладно?

Ликвидатор лишь головой покачал, и, заглянув в свой бар, вытащил из его глубин еще одну фигурную бутылку коньяка. Откупорил с непринужденностью опытного человека и снова наполнил бокал дочери. Она и не заметила, как выщедила предыдущую порцию. Как на каждого Мортимера, спиртное оказывало на девушку лишь легкое тонизирующее воздействие, а сейчас немного успокоило. Она почувствовала острое желание прижаться к отцу и больше не шевелиться. Его объятия были для нее обещанием защиты и покоя.

Эмита сдержалась и лишь посмотрела на него, как могла мягко. Она не считала, что жизнь ее так уж тяжела и полна испытаний, но даже мелкие (со взрослой точки зрения) стычки с одноклассниками странным образом изменили ее характер и даже внешность. Взгляд ее больше не был таким наивно ясным, как в детстве, теперь она смотрела остро и пронзительно, а губы почти всегда были плотно сжаты. Это обличало в ней не только волевою натуру, но и готовность в любой момент вступить в схватку – словесно или физически.

А Мэлокайну грустно было смотреть на дочь. Он помнил, какой она была в детстве хорошенькой и открытой. Теперь ее хорошенькой не назовешь. Чтобы быть хорошенькой, девушка должна сохранить долю детскости, а какая детскость может быть в женщине, готовой в любой момент вцепиться в горло обидчику? Такая детскость есть в Моргане, и потому ее все время хочется от всего защищать. Мысль от чего бы то ни было защищать Эмиту бесследно испарится из сознания мужчины, как только он взглянет на нее. И не так важно, в самом ли деле Эмита так уж хороша в драке. Она не считает нужным прятать от окружающих свою внутреннюю силу, вот в чем дело.

Мэл подумал о том, как было бы прекрасно, если бы у его дочери никогда не возникало потребности вступать в поединок, хотя бы даже волевой. Но что поделаешь с этим дерьмовым

миром, в котором милая и доверчивая девочка вряд ли вырастет в милую доверчивую девушку, а если и вырастет, то вскоре очень пожалеет об этом.

В какой-то миг ему показалось, что дочь читает его мысли. Она смотрела на него в упор и, казалось, видела его насквозь. Ликвидатор смутился, хотя по нему, разумеется, этого нельзя было угадать. А Эмита вдруг спросила:

– Ты будешь учить меня драться?

И он тоже понял ее без пояснений. «Если все так, – думала она, – если уж таков наш мир, и такова я, несущая в себе зерно постоянного вызова, то мне, пожалуй, надо уметь хотя бы хорошо драться».

– Но почему я? – удивился Мэлокайн. – В Асгердане сотни воинов куда лучше меня. Я лично могу познакомить тебя по крайней мере с десятком, которые скорее всего согласятся взять тебя в обучение.

– Не-а. Я хочу, чтоб меня учил ты, – девушка улыбалась. – Ты лучше.

– Ты меня переоцениваешь.

– Вот и нет. Это не от тебя ли я слышала, что лучший воин не тот, кто хорошо машет железкой, а тот, кто все равно выживает? А ты, как говорят, самый лучший мастер выживания. Разве я не права?

Мэл нахмурился, но ненадолго. Он еще озабоченно чесал затылок, а рот уже расплывался в улыбке, и в глазах начинали плясать чертики. Его увлекла эта игра, да и потом, разве мог он не согласиться с дочерью? Он знал десятки и сотни приемов, которые чванливыми «мастерами боевых искусств» скорее всего были бы сочтены недостойными. Ему в его профессии приходилось думать в первую очередь о том, чтобы сделать работу и не погибнуть потом. Объяснять людям, что они не правы, считая его наемным убийцей, зачастую не было времени и возможностей, и вставать в красивую стойку обычно не находилось времени.

Он знал многое такое, чему отличный мечник, специалист по честным поединкам (если какой бы то ни было поединок вообще можно назвать честным, ведь абсолютного равенства попросту не бывает), научить не сможет. Но ведь от девушки и не требуется умение отстаивать себя в бою. Ей необходимо искусство выживать. Взять себя в руки, дать отпор нападающему – а там уж можно и убежать. В сегодняшней ситуации, к примеру, Эмите очень пригодилось бы умение уходить, ускользать от атаки, поскольку не бывает честного поединка между одной девицей и шестью крепкими парнями.

– Ладно, – согласился ликвидатор. – Но учу я не по-доброму.

– Так это и правильно! – просияла девушка, привставая на диване.

С тех пор утренние и вечерние занятия вошли у обоих в привычку. Сперва отец ждал, когда у дочери закончится терпение, ведь его тренировки не напоминали обычную методику обучения воинскому делу. Скорее, это была гимнастика, где оружие (обычно длинный нож, не более) играло роль вспомогательного предмета, а то и балансира. Но девушка не спорила, послушно бегала по крышам, лазила по водосточным трубам и заборам, ходила и прыгала по перилам мостов. Казалось, ее совсем не удивляет, что отец, взявшись учить ее драться, вместо этого упорно тренирует ее ловкость, гибкость, реакцию и чувство равновесия.

Порой ее покладистость даже удивляла отца, хотя он и понимал, что дочь просто всецело ему доверяет.

Всякий раз, когда Эмита думала о своих успехах или о том, что сегодня надо будет сделать на тренировке, она вспоминала, с чего все началось. Выходка Гвеснера не оставила в ее памяти заметного следа, боль от побоев – и того меньше. Гораздо больше ее занимало, как онотреагирует на произошедшее, когда они снова встретятся. Девушка готовилась к новой стычке, возможно, еще более беспардонной, еще более откровенной. Гиад – она была уверена – от ненависти готов разорвать ее.

Но ничего особенного не последовало. Так, мелкие комментарии и остроты, на которые удивленная Эмита даже не отреагировала. Даже высокомерие отпрыска клана Блюстителей Закона показалось ей немного наигранным – а вот то, с каким выражением он говорил о ликвидаторе, девушке очень не понравилось. Она даже решила передать отцу свои опасения. Мэлокайн выслушал внимательно и, усмехнувшись, сказал ей.

– Блюстители Закона так давно мечтают подстроить мне какую-нибудь каверзу, что я уже привык к этому. Спасибо, что сказала, буду иметь в виду, но уверен: если что-то подобное и случится, в каверзе примут участие более взрослые законники.

– Но почему? – вскинулась Эмита. – Почему? За что?

– За то, что я непокорен, – спокойно ответил ликвидатор. Эмита открыла рот. – Им хотелось бы, чтоб я делал лишь то, что мне говорят, ликвидировал только по спискам. Я же поступаю так, как велит мне чутье. По всем законам это совершенно правомерно, и придираться им не к чему. Но злость остается.

– Злость?

– Раздражение. За все время моего ликвидаторства я ликвидировал трех Блюстителей Закона. И, подозреваю, рано или поздно мне предстоит заняться их патриархом.

– Патриарх законников – вырожденец?! – Эмита вскочила с места.

– Нет. Пока нет, но у него есть кое-какие признаки... Он ослаб, а это первый признак, что жить ему осталось лет триста-пятьсот, не больше. Если и больше, то ненамного. Впрочем, это не имеет большого значения, ведь в клане он давно не имеет никакой власти, все решают его сыновья. Я не оцениваю их этические принципы, но с точки зрения вырождения они чисты. Понятное дело, все подобные соображения не увеличивают любовь законников ко мне.

– Они прятали своих вырожденцев?

– Нет. Они не хотели, чтоб их ликвидировали. И мое поведение вызывает их тревогу, – Мэл поколебался. – Я не хотел тебе это говорить, но законники, к примеру, пытались связать меня тобой. Если б твоя мать осталась жива, она смогла бы добиться от меня очень многого. Сама понимаешь, нет ничего важнее семьи, детей, и не важно, как и почему все это получилось – я бы согласился очень на многое, лишь бы видеть тебя и общаться с тобой, лишь бы ты не страдала, оторванная от своих корней, от своего клана.

– Пап, правду говорят, что моя мать изнасиловала тебя?

Мэл решительно помотал головой.

– Никакого насилия ни с чьей стороны не было. Все получилось очень сложно, сразу и не объяснишь. Одно скажу: к твоей матери у меня претензий нет. Достаточно того, что она подарила мне тебя, да еще заплатив за это жизнью... Но Аргана Гиада явно отдала тебя мне без согласования с родственниками. Потом они пытались тебя вернуть, но закон оказался на моей стороне. Все-таки я отец, сумел обеспечить тебе должные условия жизни, да и Моргана почти сразу удочерила тебя, так что семья получилась полная.

– Но отобрать меня пытались?

– Пытались. Недолго. Потом требовали проведения экспертизы на предмет кланового типажа. Потом настаивали на праве принимать участие в твоём воспитании. Уж не знаю, зачем.

– Потом отступились?

– Нет. Было решено, что, достигнув сознательного возраста, ты сама решишь, хочешь ли видиться с ними. Это ничуть не противоречит конституции, коль скоро родителей Тайарны Эмит тоже нет на свете. Иначе они имели бы право видиться с тобой, с которым не поспоришь. Да я б и не спорил. С чем тут спорить? Я б и против твоего общения с прочими родственниками не возражал, если б понял, зачем им это нужно.

У Эмиты сформировалось очень странное отношение к Блюстителям Закона. С одной стороны она опасалась их, а с другой – не могла не восхищаться той позицией, которую они занимали и которую декларировали. Требуемое ими твердое соблюдение закона могло вызвать

лишь одобрение. То, что лишь из числа законников ни один родственник ликвидированного вырожденца не пытался мстить, тоже о многом говорило.

После этого разговора с отцом девушка надолго задумалась. Она чувствовала, что ее отец – человек, которого она любила больше всех на свете – не слишком привлекает своих работодателей. С другой стороны, он никогда не пытался настроить ее против них. И Эмита разрывалась. С одной стороны, разве не естественно ей опасаться их, раз отец (а он опытен) не ожидает от них ничего хорошего? С другой стороны, разве не они, по большому-то счету, подарили ей жизнь?

Метрополия клана Блюстителей Закона была очень велика. Можно даже сказать, огромна. Строго говоря, в столичном мире имелось целых две метрополии этого клана. Одна занимала изряднейший кус драгоценной земли в черте города, там располагались административные помещения и часть лабораторий – те, что не считались очень уж секретными. Были здесь и личные покои представителей клана, но, по скудости помещения, каждый из них владел лишь одной комнатой, только сыновья патриарха выкроили себе по три.

Но уж зато в том комплексе, что был расположен в стороне от столицы, недостатка в пространстве не ощущалось. Загородную метрополию даже нельзя было назвать строением – это был целый город из строений, где места хватало каждому. Разумеется, представители клана имели здесь покои от пяти до десяти комнат – в зависимости от желаний. А одно это уже нелегко обеспечить, ведь в Доме Блюстителей Закона было около шести тысяч бессмертных.

Здесь также хватало места и многочисленной обслуге, и людям клана, еще более многочисленным, и их семьям. Именно в загородной метрополии располагались многочисленные лаборатории, информации о которых никак нельзя было выплыть за пределы клана, и много что еще. Разумеется, были здесь и сады, и парки, и озера с красивыми лодочками, и бассейны, и павильоны, оформленные и обставленные с головокруглительной роскошью.

Сидя на увитой виноградом террасе южного крыла одного из жилых комплексов – того, который как раз выходил в сад и на розарий – Боргиан Ормейн, старший сын патриарха Бомэйна, в клане носивший имя Ормейн Даро, потягивал из бокала какой-то легкий и очень холодный коктейль и с наслаждением думал о том, какого богатства и какой силы добился его род в Асгердане. Он отлично помнил то время, когда его отец не был главой клана, и даже семейства у него еще не было. Помнил другие миры, в которых они жили, едва отбиваясь от местных, уже укрепившихся у власти семей, помнил, как перебрались в Центр. Здесь тоже далеко не все шло гладко.

Закон существовал в Асгердане меньше шестисот лет. До того каждый клан жил по-своему, и на землях, находящихся под контролем Дома, царили только его законы. Тогда кланы воевали и – Боргиан был склонен так полагать – если бы не законники, продолжали бы воевать по сей день. Пожалуй, он немного преувеличивал, Совет патриархов, к примеру, появился давно и без участия Блюстителей Закона, сам по себе, как естественное образование. Но считать себя покровителем и спасителем было приятно.

Боргиан молчал, и сидящий рядом с ним младший, предпоследний брат, Родгейр Эйел, тоже молчал. Он, впрочем, не наслаждался мыслями о могуществе своего клана. Могущество законников было в его глазах и восприятии чем-то естественным, потому что он родился уже в Асгердане. Предпоследний сын Бомэйна напряженно думал, потому что с его точки зрения проблема была вряд ли разрешима.

– Вряд ли разрешима мирным путем, – поправился он.

Его старший брат, разумеется, сразу понял, о чем речь. Это было продолжением недавнего разговора.

– Как посмотреть на этот вопрос, – лениво сказал он. Лениво лишь оттого, что совершенно не хотелось выдираться из глубин приятных мыслей.

– Да как ни посмотри! У наших «объектов» чувство семейственности развито не хуже, чем...

– Чем у нас, ты имеешь в виду?

– Ну да. Так они и отдали нам на воспитание своих драгоценных отпрысков. Попробуй возьми хотя бы одного ребенка у какого-нибудь Моргимера. Весь клан взовьется.

– А ты бы отдал?

– Я? Отдал бы. Но я же понимаю.

– Значит, и другие могут понять. Это раз. Потом, у того драгоценного правила, которое ты так красиво указал, есть очень хорошее исключение. Я имею в виду Драконицу, Эрлику Тар.

– Она действительно исключение, и ребенка своего не любит, и с мужем не ладит. Но это не показатель.

– Последнее, на что я тебе хотел указать! – Боргиан поднял палец, и Родгейр тут же умолк. Он привык видеть в старшем брате второго патриарха, а, может, и первого, потому что Бомэйн уже давно принимал лишь самое пассивное участие в клановых делах. Его потомки молчали об этом, но хорошо знали: патриарх устал. – Убедить бессмертного завести ребенка куда сложнее, чем убедить его же отдать этого ребенка на воспитание.

– С этим можно поспорить.

– С законом не поспоришь. Как только патриархи ратифицируют законопроект, все решится благополучно.

– Но ратифицируют ли они его? Боюсь, заставить их сделать этот шаг будет труднее всего.

– Окстись, с чего ты взял? И потом, если не нравится вариант «на воспитание», можно назвать это иначе. Например, «на обучение».

– «На обучение» – это совсем другое дело.

– Ну так что же. Можно и «на обучение». Поверь мне, этого вполне хватит, чтоб вырастить из детей вполне преданных Закону взрослых.

– Хватит ли?

– Конечно. К нашим услугам еще и аппарат пропаганды. А если вспомнить, что из этих детей вырастут не просто взрослые, а замечательные маги и воины, то такой гвардии нам хватит, чтоб раз и навсегда оградить наш клан от возможных анархических поползновений патриархов.

– Тогда чего было тратить время и возможности? – проворчал Родгейр. – Получается, что первую партию супердетей мы прошляпили. Тогда надо было настаивать на особом обучении с самого начала.

– Болван, – нежно произнес Боргиан. – Даже ты увидел в моем проекте покушение на основу основ – семейственность, хотя тут ее и в помине нет. Когда общественное мнение бурлит, его надо сперва успокоить, причесать, а потом уже вводить новые реформы, которые с виду весьма неоднозначны. Мы именно так и делаем. Что же касается уже подросших, как ты выразился, «супердетей», то и они придут к нам, и очень скоро.

– С чего бы вдруг?

– Какой прирожденный маг или воин не хочет большего могущества, большей силы? Именно у нас они их получают. А там и прочее воспитание подоспеет. Все нужно делать умеючи. К примеру, этот мальчик, старший сын Гэра Некроманта. Он, как мы и предполагали, будет прекрасным мечником. Из него получится едва ли не лучший воин Асгердана. Но среди Драконов Ночи не так много мастеров воинского искусства. Таковых нужно искать у нас. Рано или поздно это случится.

– А что касаясь Эвана, сына Эрлики Тар Туманной?

– Информатист. Гениальный. Мы уже залучили его учиться в закрытое заведение, которое всецело находится под нашим контролем, – Боргиан покачал головой. – Я ни за кого из наших «объектов» не волнуюсь, кроме как за дочь ликвидатора.

– Думаешь, из нее не выйдет толку?

– Толк из нее будет, однозначно. Хотя она и порушила наши планы, когда родилась девочкой, но это, в конце концов, не столь важно. Говорят, она уже сейчас в отличной форме. Плохо то, что дура Артана передала ее на воспитание отцу. Чему он может ее научить? Догадайся сам. А потом еще этот молокосос Гвеснер...

– Что такое?

– Весь в мамашу, одни эмоции и никакого соображения. Принялся цепляться к девочке без всякого повода, а потом взял и избил.

– Сильно?

– Нет, слегка. Но какая разница, как? Важен сам факт. Он просто целенаправленно ссорит девочку с нашим кланом.

– Мне кажется, ты придаешь слишком большое значение детским сварам. Мало ли кого когда пнул или толкнул? Они вырастут и забудут об этом. Еще, глядишь, поженятся.

Но Боргиан, который был намного опытнее и проницательнее брата, покачал головой.

– Все не так просто. Детские ссоры потом вырастают во взрослые, и неприязнь остается. Я опасуюсь, что Гвеснер нам все испортит.

– Полагаешь, девочка не станет ликвидатором? – уточнил Родгейр.

– Полагаю, она не станет таким ликвидатором, каким нам бы хотелось ее видеть. К тому же есть добавочные свойства, которые в нее вложили наши мастера, мы же до сих пор не знаем, что это за свойства, что там в ней за начинка. Я согласился на дополнительные изменения лишь потому, что ожидал – она будет воспитываться под нашим строгим контролем. А видишь, как получилось.

– Можно настоять на ее обследовании.

– Это не так просто. Мортимеры отлично знают законы и нас терпеть не могут. Они не допустят наших специалистов к девочке, бьюсь об заклад. И сама она, особенно после ссоры с Гвеснером, к нам не придет.

– А что если поссорить ее с отцом?

– Как?

Родгейр замялся.

– Ну... Есть разные способы.

– Например?

– Ну, например – немного «гормонального взрыва» – и напустить его на дочь.

– Ты что, ошалел? – взвился Боргиан – и задумался. – Нет уж. Это слишком. Противозаконно, не оправдано насущной необходимостью... К тому же это может быть опасно для ее организма. Конечно, она развивается прекрасно, с опережением, сейчас по всем параметрам тянет на пятнадцатилетнюю девочку-смертную. Нет, все равно слишком.

– Но зато после такого она к отцу даже и не подойдет. Скорее уж направится к нам. А какой будет шанс убрать его с дороги раз и навсегда, а? Изнасилование дочери – да от него собственный клан откажется!

– Конечно, да. Но игра не стоит свеч, – решительно ответил Боргиан. – Я забочусь в первую очередь о девочке.

Какое-то время они посидели в тишине. Старший брат обдумывал закон, который предстояло через несколько дней вынести на одобрение Совета Патриархов. Волнение у него вызывал только один пункт: тот самый, который они обсуждали с братом – за остальные же он был почти уверен. Почему бы патриархам не принять закон о полигамии? Традиции многих кланов ее одобряют. Разумеется, в уступку статье конституции о равенстве полов предстоит принять полную полигамию, то есть ту, при которой женщина тоже будет иметь право на несколько мужей.

Потом второй этап Программы Генетического преобразования превратит право в обязанность (по крайней мере, для некоторых). За ратификацию этого пункта Боргиан тоже не слишком волновался. Раз патриархи приняли его в первый раз – примут и во второй, тем более что вся машина пропаганды давно запущена. А с вопросом воспитания полученных путем осуществления программы детей будет несложно бороться. Зачем родителям сильно сопротивляться тому, что дети будут обучаться в особых учебных заведениях? Малыши ведь и сами особенные.

Боргиан самому себе нравился необычайно. Ведь думал-то он не о себе или о собственном клане, а обо всем государстве. По крайней мере, он был свято уверен в этом. Уверенность, как это известно большинству здравомыслящих людей, не гарантирует истинности, но для такого привычного к власти могущественного человека, как Боргиан, своих соображений было вполне достаточно.

Он относился к числу тех, кто, стремясь ко всеобщему благу, незаметно, но верно превращаются в абсолютно бездушных людей, в тиранов и деспотов. К тому моменту, как выросли его праправнуки, он перестал быть человеком в понятном смысле этого слова. По сути, теперь у него уже не могло быть обычных привязанностей. Он не мог по-настоящему любить жену или детей – только клан или все человечество в совокупности, а по сути, только самого себя. Зато он легко мог пожертвовать почти кем и чем угодно – и все во имя высшей цели.

Впрочем, такими были почти все Блюстители Закона, были или неизбежно становились со временем. Любой представитель этого клана способен был, не моргнув глазом, засудить хоть брата, хоть свата, если, конечно, вина того будет неопровержимо доказана. Таковы были истинные законники, и, пожалуй, ничего плохого в том и нет, пока руки такого человека не касаются настоящей власти. И здесь желание сделать мир идеальным (что, само собой, невозможно) опять же могло перевесить.

Боргиан рассеянно наблюдал за пчелой, облетающей скудные цветки винограда, и в его голове роились самые разные мысли, зачастую мало связанные друг с другом. Он пытался предугадать все возможные препятствия на пути нового витка Генетической Программы, чтобы по возможности противостоять им, но таковых выходило слишком много. Все не предугадать. На миг его посетила неприятная мысль, что у патриархов может закончиться терпение, и они взбунтуются, но тут же отогнал ее. С чего бы вдруг? По проторенному пути идти гораздо легче.

Зато всплыли в памяти другие дела, менее важные. Например, заявление патриарха клана Ласомбра, клана вампиров, о том, чтобы использование смертных из периферийных миров Системы Центра для его потомков не было ограничено. Доводы его выглядели убедительно: в большинстве случаев вампиры из его клана пользовались человеческой кровью лишь для того, чтобы поправить собственное здоровье или баланс энергии, и случалось это не так часто. К тому же Ласомбра в большинстве случаев не покушались на жизнь и здоровье своих жертв, все заканчивалось небольшой порцией крови, выцеженной из жил смертного – не больше, чем отдавали доноры в клиниках.

Кроме того, целых два семейства претендовали на статус клана, этот вопрос тоже нужно было рассмотреть. Отказать, разумеется. Пока есть дела и поважнее, пусть семейства подождут. Еще нужно было рассмотреть вопрос с кланом Алы Бархат. Матриарх этого небольшого Дома обратилась к Блюстителю Закона с просьбой исключить из Программы Генетического Преобразования всех ее потомков младше четырехсот лет. Просьба была должным образом обоснована тем, что девушки Алы Бархат созревали для материнства очень поздно.

Клан был небольшой, но он пользовался покровительством Драконов Ночи. С Драконами не хотелось ссориться, и так уже Боргиану казались подозрительными спокойные взгляды Эндо. Он чувствовал в этом патриархе особенную силу, как и в Реохайде Гэллатайн. К тому же в Драконе Ночи действительно есть особенная сила. Боргиан хорошо помнил прошедшие годы,

он ведь знал Эндю давным-давно, в том мире, где родился, и там юноша очень даже отличился. Отец Боргиана, Бомэйн, относился к Дракону Ночи с осязательным уважением, и Боргиан, который прежде не обращал внимания на своего соотечественника, сделал для себя вывод, что этого врага недооценивать нельзя. Он опасался, что на самом деле этот гордец не простил покушение на его правнучку, четырнадцатилетнюю Аэль, и на более старшую Эрлику Тар. Старшему отпрыску главы клана законников казалось более правдоподобным, что Эндю затаил злобу.

Правда, никаких признаков заговора не было. Можно ли его вообще спрятать? Какая-нибудь мелочь обязательно да выдаст заговорщиков. Здесь старший сын Бомэйна был спокоен – если что-то назреет, то осведомители обязательно оповестят об этом. Правда, известно, что Эндю последнее время стал очень близок с Эдано Накамура, но они же вместе выпивают, так что причина вполне невинная. Опять же, шли слухи, что и с Мэрлотом Мортимером Дракон Ночи вдруг стал очень любезен, но они же почти не встречаются, так что сама по себе любезность ни о чем не говорит. Ведь Мэрлот оказал Эндю значимую услугу, вернул ему спасенного из плена Илвара. Мальчик почти всю сознательную жизнь пробыл на Черной стороне, он не может знать, с чего все началось.

Боргиан не верил, что в отношении Блюстителей Закона может возникнуть какое-нибудь подозрение. С чего бы? Если бы стало известно, патриархи бы всполошились. Но все обстояло тихо, мирно, ровно и пока складывалось благополучно для законников.

– А ты не слышал что-нибудь новенькое о Сером Ордене? – спросил брата Родгейр.

– Только лишь то, что он снова зашевелился, – лениво ответил Боргиан. – Нашел себе новую базу, снова набрал адептов. Многие бессмертные из периферийных миров рады примкнуть к ним, потому что другого пути добиться власти и силы у них нет.

– Будем ими заниматься?

– С чего бы вдруг? Они пока не выказывают желания продолжать свою террористическую деятельность.

– Это потому, что у них пока нет сил. А потом – кто знает, что будет потом. Может, потом мы с ними так намучаемся, что...

– Сомневаюсь. Что им, заняться нечем? Мы им тогда преподали хороший урок.

Родгейр с сомнением покачал головой.

– Как бы потом не было слишком поздно. Когда Орден действительно накопит силу...

– Как он ее накопит? Он верит, что существует серая магия, стремится развивать ее...

Стремится развивать то, чего не существует в природе. Многого ли он таким образом достигнет?

– А если существует?

– Что?

– Ну, эта... Серая магия.

– Хорошая шутка. Родгейр, если б она существовала, именно ее террористы Ордена и пустили бы в ход. Зачем им была б нужна взрывчатка, – старший брат помолчал несколько минут, а потом позвонил, чтоб служанка принесла десерт. – Будешь бисквит?

– Ну, пусть бисквит. Милочка, принеси мне ромовый, – велел служанке младший брат, и та, совсем молоденькая, наряженная в строгое короткое платье с белоснежным фартучком и наколочкой на затейливой прическе, лишь молча кивнула. – И чаек с мятой.

– Мне – кофе, – коротко распорядился Боргиан. С легкой иронией он ждал, пока брат проводит молоденькую служанку взглядом, полным интереса. – Не о том ты сейчас думаешь. И вообще, спать с обслугой – дурной тон. Что тебе, встречаться не с кем?

– Братец, я уже большой мальчик, сам разберусь, что с чем, а также с кем, – раздраженно ответил Родгейр. Какое-то время он молча вертел в пальцах бокал, потому что напрочь забыл, о чем шла речь. Вскоре с большим подносом в руках появилась все та же невозмутимая девушка,

а при посторонних разговаривать о клановых делах было, конечно, не принято. Предпоследний сын Бомэйна с удовольствием лакомился десертом.

– Вообще-то, твои сомнения по поводу патриархов мне кажутся вполне закономерными, – высказался Боргиан. – Конечно, следовало бы проследить за некоторыми из них. За тем же Эндо Драконом Ночи. За Одзэро. За Оттоном Всевластным – он мне кажется самым опасным из них всех. Оттон более всех склонен к анархизму. У него замашки диктатора – это спустя шесть сотен лет после принятия конституции.

– Хорошо б еще проследить за Мортимером.

– Какой с этого толк? Было уже, и неоднократно. Агенты приносили мне внушительные списки девиц, с которыми Мэрлот встречался в течение года, да прочую ерунду. Зачем, скажи на милость, мне знать о его любовных победах? Я просто поражаюсь, как у него хватает времени заниматься бизнесом.

– А занимается ли он этим самым бизнесом – вот вопрос, – Родгейр притопнул ногой. – Подумать только, специально продумали закон, ограничивающий оборот средств, находящихся в ведении клана, а налоги с Мортимеров, кажется, только уменьшились. При этом совокупные доходы только увеличились. Я не понимаю, как они умудряются обходить этот закон. Живут они по-прежнему на широкую ногу.

– Более того, – с неожиданной злостью проговорил Боргиан. – Всего несколько дней назад я обнаружил, что Мэрлот каким-то образом попался в наших архивах. Причем очень хорошо. Как я понимаю, за это он заплатил очень большие деньги. Очень большие, если ты понимаешь, о чем я. Единственное, что успокаивает – архивы не имеют отношения к Программе.

Как представитель одного из самых могущественных и потому едва ли не самого богатого клана в Центре Родгейр прекрасно представлял себе, что такое по-настоящему большие деньги. Он приоткрыл рот и откинулся на спинку кресла.

– Кто же предал?

– А Бог его знает. Как я понимаю, сейчас тот осведомитель Мортимеров на нас не работает – то ли ушел, то ли умер. Следов никаких не осталось. Я не буду тебе объяснять, как я узнал – это слишком долго и малопонятно. Я просто не верю, что Мэрлот сейчас не пасется в наших запасниках. Разумеется, наши люди не станут рисковать головой за какие-нибудь мелочи. Так что Мэрлот богат, как никогда, вот только государство никак не может наложить руку на его богатства.

– Но как же так?!

– Понимаешь ли, в чем дело... По сути, просто невозможно облагать налогом все формы оборота ценных бумаг – это слишком стремительный и слабо контролируемый процесс, больше похожий на рулетку. А ведь очень многие Мортимеры делают себе состояния на бирже – на тех операциях, которые сложнее всего проконтролировать. Причем формально все происходит в рамках закона. Со своего законного бизнеса каждый Мортимер скрупулезно отстегивает деньги во все ведомства. Все как положено.

– Но как же тогда...

– До меня доходили смутные слухи, что после принятия закона об ограничении оборота клановых средств Мортимеры стали вкладывать деньги в чужой бизнес.

– Ловкачи.

– Да. С этим уже ничего не сделаешь, запретить Мортимерам становиться акционерами других фирм мы не можем. Даст Бог, это хотя бы позволит нам бороться с их монополией.

– И тебя успокаивает эта ситуация? Тогда Мортимеры не выступили против Программы Генетического преобразования только потому, что не имели такой возможности. А что теперь?

– А теперь уже поздно.

– Ой ли? Не убирать же их во второй раз тем же способом.

– Было бы хорошо, – Боргиан, больше всего не терпевший непредсказуемость, воплощением которой были Мортимеры, тяжело вздохнул. – Нет. Один и тот же способ, причем дважды... К тому же есть опасность оставить улики. Мы и в тот раз здорово обмишулились, не хотелось бы больше.

– Значит, надо отвлечь их внимание каким-нибудь скандалом.

– Я слушаю предложения.

– Одно предложение уже было. Насчет ликвидатора и его дочки.

– Ну, братец...

– Но ты представь, какой будет скандал! Мэрлот повесится!

Боргиан с сомнением поджал губы.

– Как бы девочка не повесилась.

– Эмита-то? Брось, ее обследовали. У нее совершенно здоровая психика, а такие женщины не склонны к суицидам. К тому же, сам подумай, если она окажется настолько слаба психически, то какой же из нее ликвидатор? Просто окажется, что Эмита – брак, а такого нам не надо.

Старший брат задумался еще глубже. Воспользовавшись паузой, Родгейр занялся остатками десерта. Несколько мгновений на террасе звучали только звон ложечки и жужжание пчелы, одержимо пытающейся извлечь нектар из цветков декоративного винограда.

– Не знаю, – произнес наконец Боргиан. – Мне эта идея не нравится. Что, если девочка забеременеет?

– В пятнадцать-то лет? Она наверняка еще не созрела. Не сможет, вот и все.

– Как бы она не догадалась, что здесь что-то не так.

– Глупости. Как ей догадаться? Я уже знаю, как ввести Мэлокайну «гормональный взрыв», чтоб он и сам не знал, что произошло. Есть идея, а не пойдет эта – придумаем другую.

– Мда...

– Если не будет знать он – не узнает и она. Полагаю, это заодно уберет с дороги и самого ликвидатора.

– Эмита еще слишком молода, чтоб начинать свою карьеру. Если это вообще можно назвать карьерой.

– Время терпит. Перерывы в двадцать лет и раньше случались, и ничего. Что тут особенного? Вырожденцы подождут... Ну, решай!

– Мне надо подумать, – после долгого молчания ответил Боргиан.

Глава 3

Руин вернулся домой поздно вечером, нагруженный огромным мешком Мэлокайна и своим собственным артефактом – кольцом, единственное достоинство которого было в том, что на украшение было зацентрировано сложное заклинание подпространства. Кольцо неприятно было надеть на палец, металл, обремененный действующим заклятием, сильно охлаждал кожу, и потому Арман нес его на шнурке, привязав к запястью.

Мэлокайн высадил его у самого дома и укатил в магазин, куда он должен был заглянуть перед возвращением к жене и целому выводку детей. Он, в отличие от Руина, отсутствовавшего всего неделю, не был дома больше трех месяцев, а потому считал, что просто обязан привезти подарки супруге, старшей дочери и двум сыновьям. А подарками, как и продуктами для праздничного семейного ужина, надо закупиться. Ликвидатор с облегчением избавился от своего груза, который к тому же внушал ему почти суеверные опасения. Казалось бы, обычная бумага, но мысль, что на страницах запечатлены тайны сильнейших чар, нервировала его.

А Арман обращался с архивом адептов Серого Ордена с небрежностью грузчика. Войдя в дом, он швырнул мешок в угол, а на полочку под зеркалом положил кольцо. С отвращением стащил с себя грязную куртку. Неопрятная, заляпанная одежда вызывала у него отчетливое раздражение. Появившаяся на площадке лестницы Катрина заулыбалась, глядя, как прямо в коридоре муж избавляется от надоевшей походной экипировки.

– Сперва ванна, а потом ужин, или наоборот? – спросила она.

– Нет-нет, сначала мыться, – Руин взбежал по лестнице и клюнул жену в щеку. – Не обнимаю, я грязный. Как дела? – и уже бежал в ванную.

Он вышел оттуда, слабо пахнувший мылом и довольный. Жена приготовила для него чистую рубашку и велела подавать на стол. Она надеялась поужинать с ним в полном спокойствии и тишине, потому отпустила служанку. Она же попыталась перенести из прихожей тяжелый заплечный мешок, привезенный супругом, но, почувствовав, как тяжела эта сумка, не решилась ее трогать.

– Не трогай, не трогай! – вторил ее опасениям выскочивший из спальни Руин. Он как раз застегивал пуговку на запястье, а та не давалась. – Тяжело, полный рюкзак бумаги.

– Значит, то, что хотели, вы добыли?

– Разумеется. Но об этом никому не надо знать.

– Зачем ты мне об этом говоришь? Думаешь, я не понимаю?

– Уверен, что понимаешь. Но лучше лишний раз предупредить.

– Ужин?

– Конечно, родная. Уже накрыто?

Они всегда ели в столовой, за длинным столом, где могло усесться человек тридцать. Торжественная обстановка, канделябры с хрустальными подвесками, тяжелая белоснежная скатерть, посуда из дорогого сервиза... Первое время все это очень смущало Катрину, но потом она привыкла и уже охотно соглашалась садиться за этот стол, даже когда она ужинала наедине с мужем.

Супруги сидели друг напротив друга, и, глядя на Руина, молодая женщина и сама стала пользоваться всеми теми многочисленными приборами, которые служанка раскладывала возле тарелок, а не просто вилок и ножей. Она даже стала находить в церемонности трапез особую прелесть, хотя по-прежнему считала, что это просто мужская блажь, и ужинать вполне можно и в кухне, и в гостиной у телевизора.

Обычно Руин не читал и не смотрел телевизора за столом, но сегодня, усевшись, тотчас придвинул к себе газету и бегло просмотрел заголовки. Постучал пальцем по одному из них.

– Ты читала сводку по заседанию Совета Патриархов, как я просил?

– Конечно, – Катрина даже удивилась. Она выполняла все просьбы мужа, даже самые пустяковые. Ей это было приятно.

– И что же? Какой вопрос стоял на повестке дня?

– Ничего важного. Но ваш патриарх переслал для тебя несколько печатных выдержек из протоколов. Я думала, что ты можешь позвонить и поинтересоваться, поэтому я распечатала конверт и прочитала.

– Правильно сделала, – Руин попробовал суп. – Отлично. Кто готовил? Ты?

– Нет, – с сожалением ответила она. – Я делала отбивную и гарнир.

– Уверен, они окажутся не хуже. Честно говоря, после Мэлокайновской стряпни так хотелось поесть настоящей еды...

– Да? Твоя сестра говорила мне, что ее муж отлично готовит.

– Ага. У него есть три коронных блюда: шашлык, рагу и борщ. Но даже вышперечисленное получится так себе, если готовить его из консервов.

– Говоришь, как отец, – улыбнулась Катрина.

– Да? Кстати, да. Прорываются юридические или просто официозные словечки. Как говорится, с кем поведешься... Ты меня поправляй. Канцелярит – это неэстетично... – он отправил в рот маслину из салата. – Так что было в распечатках?

– Идет речь о втором витке Программы. Пока это еще неофициально, но...

– Постой, об этом говорили в Совете? – насторожился Арман.

– Нет... То есть не знаю, – Катрина растерянно развела руками. – По виду бумаг я решила, что это выдержки из протоколов, но, может быть, это и не совсем так. Я сейчас принесу, – она привстала, но муж жестом велел ей сесть.

– Оставь. Я потом посмотрю. Если б было что-то важное, патриарх оставил бы мне сообщение в астрале. Я проверял. О чем еще там шла речь?

– О том, что Блюстители Закона предлагают проект закона о полигамии.

– Вот как... – от удивления Руин даже откинулся в кресле. – Вот за что я тебя ценю – даже если ты что-то не совсем понимаешь, главное ты ухватываешь инстинктивно. Закон о полигамии, как я понимаю, как раз и должен предшествовать второму витку Генетической Программы.

– Но почему ты так думаешь? – молодая женщина неподдельно изумилась. – Какая тут связь?

– Самая очевидная. Таким образом законники собираются бороться с фиктивными и реальными, но неподходящими с их точки зрения браками. Женат ты или не женат – раз в Асгердане полигамия, изволь жениться на том, на ком будет велено, – Руин вертел в пальцах ложку. – А, впрочем, посмотрим. Патриарх не объяснил, почему он переслал эти документы мне?

– Он велел сказать, что эти бумаги вам с Мэлом на двоих.

– Ну и правильно. Мэл все равно постоянно где-то шляется... Кстати, как предложение о полигамии восприняли патриархи, ты не отметила? Может, слышала?

– Даже если б не слышала, на этот вопрос было бы нетрудно ответить. Сам посуди, по крайней мере у семи центритских кланов в прошлом существовала практика полигамных браков. У двух из них она до сих пор существует. Конечно, Идущие Тропой Истины... ну, Эшен Шема, они не имеют возможность оформлять полигамные браки по закону, но в семьях мужчин их клана женщины (и жена, и любовницы) живут тесной семьей, и патриарх следит за тем, чтоб права всех женщин, даже жен не по закону, были соблюдены.

Руин слушал с интересом и кивал головой. Он прожил в Центре уже почти сорок лет, но все это время больше внимания уделял магическому искусству, чем традициям других кланов, которых в Асгердане насчитывалось аж двадцать семь, и с традициями весьма сложными. Для него в светских вопросах жена была экспертом, в конце концов, она родилась в Центре, и для

нее местный уклад был естественен. Жестом Арман дал понять, что ему очень интересно, и придвинул к себе тарелку с отбивной, цветной капустой и тонко нарезанным салатом.

– Я уж не говорю о клане Ласомбра, где сожителство с одной женщиной считается признаком слабости и бедности, где оно просто не престижно, – продолжала Катрина. – Или о кланах Накамура и Всевластных, где принято иметь одну жену и пару-тройку постоянных наложниц. Именно постоянных – для мужчин делом чести считается содержать их так же щедро, безотказно и внимательно, как законных супругов. А Одзэро? Я читала, что в прежние годы, когда не был еще принят Закон о семье, патриарх темнокожего клана содержал гарем, в котором было больше трехсот женщин.

– Вопрос, зачем ему было нужно столько. Они, должно быть, там с ума сходили от тоски, – лениво проговорил Руин. Он не слишком любил подобные разговоры, считал, что даже в кругу семьи не стоит обсуждать частную жизнь сторонних людей. Но с кем еще поболтать на сексуальные темы, как не с супругой? К тому же постельные склонности Одзэро в данном случае имели значение, выходящее за пределы его спальни.

Катрина усмехнулась.

– Конечно, эта публикация была сделана хоть и в толстом, солидном, но бульварном журнале. И, наверное, в статье было столько же правды, сколько вымысла. Но о любви Одзэро к женщинам, и, что самое главное, его, скажем так, телесной стойкости ходят такие легенды, что я почти верю статье, будто женщины в гареме этого патриарха не особо скучали. Тем более что смертных там было больше, чем бессмертных.

– Словом, уж кто-то, а Одзэро всяко поддержит закон о полигамии. Так?

– Уверена. А кроме него – Мустансир Эшен Шема, Шатадана Странник, Меоршайл Тха-Эрр, Отгон Всевластный, Эдано Накамура, Луэн Кехада, Дитта Айру Ласомбра, возможно Хранитель Эредлен, Ора Дайн и Айрдан Тивен Тиарн. Говорят, Ора – большая любительница мужчин, а традиции кланов Эредлена и Айрдана так смутны и темны... Но говорят, что в прежние годы Айрдан был женат на трех женщинах, значит, и для него полигамия естественна.

– Да уж, – Руин задумчиво, не чувствуя вкуса, жевал мясо. – Если считать Бомэйна Даро, вернее, его представителя, то получается восемь голосов. Если добавить предполагаемых сторонников этого решения, то число увеличивается до одиннадцати. Пока абсолютного большинства не получается.

– Но этого числа (больше трети) достаточно, чтоб оставить вопрос на повестке дня.

– Верно. Согласен, – Руин оставил вилку и, подавшись вперед, прикрыл своей ладонью руку жены. – А ты-то как относишься к подобному закону?

Катрина пожала плечами.

– Если рассуждать безотносительно Генетической Программы...

– Да, разумеется.

– То я не вижу в этом законе ничего плохого. Если мужчина однолюб, он все равно будет жить с одной женщиной. Если он склонен «гульнуть по девочкам», его все равно ничто не удержит. Просто будут не младшие жены, а любовницы. А их мне жалко. Они – как мотыльки, «нужны на час, а там ее знай нас».

Ее супруг запихнул в рот последний кусок мяса и лишь теперь обратил внимания, как оно сочно и отлично прожарено. Благодарно взглянул на жену.

– Спасибо, любимая, очень вкусно, – с нежностью сказал он.

Тут Катрина спохватилась, что разговор пошел совсем не так, как она планировала, и приподнялась, чтобы подать чай, но Руин как раз взялся за бутылку вина, торчавшую из набитого льдом ведерка, и ловко обернул ее полотенцем. Вопросительно взглянул на супругу и потянулся к ее бокалу.

– Куда ты? Еще закуска не закончилась. Кстати, вино замечательное.

– Я не буду, – почему-то смутившись, ответила молодая женщина.

Рука Армана с бутылкой замерла в воздухе. Он взглянул на жену с удивлением и тревогой.

– Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет, но... У меня новость.

– Да?

– Ты... Понимаешь... Нас скоро будет трое.

– К нам переезжает твой брат?

– Нет... Ну, понимаешь, у нас будет прибавление в семействе.

Руин помолчал.

– К нам переезжает мой племянник? – осторожно предположил он. – Или даже мой младший брат?

– Да нет! – Катрине хотелось фыркнуть, но она держалась. – Я же говорю... У нас будет маленький.

– Кто – маленький?

– Ну же! Маленький, вопящий, по ночам не спящий, надоедливый...

– Так все-таки мой младший братишка, Дэйн?

– Слушай, дорогой, ну так же нельзя. Что ты, подшучиваешь надо мной? Меня в моем положении нельзя излишне терроризировать, – шутливо попеняла Катрина. – Мне нельзя нервничать.

– В каком положении, зайка моя? У тебя... этот... предменструальный синдром? – Руин говорил, казалось, совершенно серьезно.

– Да какой синдром?! – завопила выведенная из себя молодая женщина, вскакивая с места. – Ты издеваешься, что ли? Да ты просто идиот! Все вы, мужики, идиоты! Я беременна, ясно? Беременна я! Беременна! У нас будет ребенок! А ты – болван!

Ошеломленный этой вспышкой, Руин тоже вскочил. Еще никогда, хотя прожил с Катриной двадцать лет, он не встречал подобного приема. Айнар неизменно была сдержанна, терпелива и ласкова. Впрочем, и супруг старался не давать повода к ссорам. Он прекрасно понимал, что, женившись, тем самым отрезал себе путь к некоторым развлечениям и излишествам, понимал, что в семью надо приносить деньги (впрочем, теперь, когда он освоился с магической и банковской системами Асгердана, это не требовало от него большого напряжения), что с женой нужно обращаться уважительно. Отвратительный пример провальского отца, Армана-Улла, не сумел должным образом испортить его глубинные представления о браке.

А Катрина, не желая навязывать супругу каких-то своих требований, сносила его отлучки и учебу, которая в сочетании с работой отнимала у Руина очень много времени. В последние годы молодой маг, решив, что жить на доходы с акций все-таки как-то не слишком красиво, да и практика чародею нужна так же, как хирургу, поступил на работу в одну из государственных поисковых контор при службе федеральной безопасности. Работа занимала не слишком много времени, была строго расписана по графику: требовалось искать и распутывать следы преступников, диагностировать неправомерное применение магии... Руина никто не нагружал большим количеством работы, как правило, в разработке у него находилось не больше трех загадок за раз, но уж зато требовалась абсолютная точность и быстрота.

Начальство было Руином очень довольным. Деньги ему платили большие, к тому же он как государственный служащий ведомства федеральной безопасности, а также его ближайшие родственники, мог пользоваться целым веером льгот – немалое преимущество.

Словом, в финансовом плане Катрине было не на что жаловаться. От невнимания мужа она тоже не страдала, и потому семейная жизнь этих двух бессмертных текла размеренно и счастливо. Скандалить оказалось ни к чему.

Однако взрыв негодования у Катрины был самый настоящий. Наверное, в подобной ситуации «настоящий провальский мужчина» первым делом взялся бы за ремень. Но Руин доста-

точно далеко ушел от этого стандарта, если вообще хоть когда-то хоть в чем-то соответствовал ему. Первым делом он вскочил в замешательстве, готовый подхватить жену, если ей станет плохо (неспроста же она так кричала). Суть того, что она сказала, не доходил до его сознания.

– Родная, что с тобой?

– Идиот, – сдавленно и уже не так громко крикнула она и вдруг разрыдалась.

Он обежал стол и схватил ее в объятия. Уткнувшись в его плечо, Катрина плакала успокоенно и свободно и уже, кажется, не пылала гневом на недогадливого мужа. Мягко поглаживая ее по плечу, Руин вдруг понял, что прокричала ему жена, и, перехватив ее, взглянул в заплаканное лицо.

– Ты беременна?

– Ну да.

– Ёлки, – больше Арман не нашел, что сказать.

А что тут, в самом деле, скажешь?

– Это же замечательно, – выдал он из себя, сообразив, что надо сказать хоть несколько слов, а то супруга может обидеться. – Как ты себя чувствуешь?

– Пока неплохо, – Катрина вытерла глаза. – Но врач сказал, что еще рановато ждать неприятностей. Скоро, возможно, буду чувствовать себя не самым лучшим образом.

– Ты выбрала себе врача? Молодец. Тебе нужны еще деньги?

– Нет.

– А, – он соображал, о чем еще нужно позаботиться. – Может, нанять еще одну служанку? Или можно сделать демона, который будет заниматься домашней работой, самой простой. Я такого сконструирую без особого труда.

– Я справляюсь.

– Но тебе, наверное, вредно нагружаться.

– Но и сложа руки сидеть очень скучно. Ничего со мной не случится, – она шмыгнула носом. – Ты сразу догадался, да? Только решил подшутить?

Что-то в тоне жены подсказало Руину, что лучше не спорить. Он кивнул и прижал к себе супругу. Какое головокружительное совпадение – только позавчера он вздохнул, что у них пока нет детей, и вот это замечательное известие. Следом пришло беспокойство. Первое, о чем он подумал – это здоровье Катрины. По меркам бессмертных она была еще юна, и беременность могла стать для нее очень тяжелым испытанием. Разумеется, ее следует показать лучшим врачам Асгердана, причем как можно быстрее. Следом пришла мысль, что адепты Серого Ордена, которые, возможно, охотятся на него, теперь могут добраться до его беременной жены.

Эту проблему предстояло обдумать без промедлений, но так, чтобы супруга не догадалась. Она, конечно, станет волноваться, а ей нервничать нельзя.

Он подвел ее к дивану и усадил. На столе в широких бокалах давно степлилось дорогое вино, но им обоим не было до этого дела. Руин, почувствовав, что супруге хочется поговорить именно о будущем ребенке, стал рассуждать, где лучше всего будет устроить детскую, и что неплохо бы сделать ремонт, и кое-что поменять в доме, да узнать, где ближайший детский врач, детский магазин, а сам думал, что неплохо бы на время отправить Катрину в метрополию своего клана. Метрополия Айнар, если вообще можно было так назвать большое загородное имение матриарха этого скромного семейства, не могла обеспечить Катрине должной защиты. А метрополия Дома Мортимер после нападения черных магов теперь больше напоминала крепость.

Жена ласково прижалась к Руину.

– Ты ведь никуда не уедешь, правда?

Его рука отяжелела на ее плече.

– Я не могу тебе этого обещать, но постараюсь. Я и сам хочу быть к тебе поближе, особенно сейчас. Но если мне придется куда-нибудь уехать, я перевезу тебя к родственникам,

согласна? В метрополии нашего клана тебе будет уютно. Там к тому же есть целая клиника и все врачи, в том числе и отличные гинекологи.

Катрина выпрямилась и сдвинула брови. Лицо ее стало строгим и сосредоточенным.

– Что-то случилось?

– Нет. Почему ты так решила?

– Ты о чем-то беспокоишься. Хочешь спровадить меня в метрополию... Тебе что-то угрожает?

– Не то, чтобы... – Руин задумался. Какой смысл врать жене, которая к тому же совсем не дура? – Понимаешь, лучше перестраховаться. Мы с Мэлокайном потырили из архивов Серого Ордена много полезных бумажек. Да еще я кое-что там учинил... Долго объяснять. Словом, тамошние адепты вполне могут попробовать мне отомстить.

– Подожди, так Серый Орден по-прежнему существует? – удивилась Катрина.

– Но ты же знала, куда мы направлялись.

– Конечно, но я думала, что от него остался какой-нибудь архив, тайник... Я думала, самого Ордена уже нет.

– К сожалению, есть. И его возможности, равно как и намерения, нам узнать не удалось.

И непонятно, смогут ли они меня выследить, станут ли...

– А тебе не стоит прибегнуть к помощи своего клана?

– Какой помощи, родная? Телепорт из Храма серых я замаскировал по всем правилам, распутать его невозможно. Но можно попробовать найти меня в самом Астердане. А можно и не найти. Вселенная беспредельна, серые маги могут оказаться где угодно.

Катрина помолчала.

– Так ты убедился в том, что серая магия существует?

Руин задумчиво посмотрел на свои руки.

– Трудно не поверить в ее существование, если сам являешься серым магом. Обещай мне, если я решу, что тебе лучше перебраться в метрополию, ты так и сделаешь. Так мне будет спокойнее.

– Я... Обещаю. Но и ты обещай, что побережешь себя.

– С легкостью. Родная, уж не подозреваешь ли ты, что я не хочу выжить?

Они посмеялись.

Лишь поздно вечером Руин уселся за кипу бумаг, которые Мэлокайн без особого разбора понапихал в заплечный мешок. Он, разумеется, не смотрел, что берет с полок, и потому бумаги оказались в полном беспорядке, но с первых же мгновений молодой маг почувствовал, как глубоки и тонки те исследования, результаты которых теперь лежали перед ним. Он пробегал глазами строки, рассматривал длинные формулы, начертанные пером и чернилами поверх печатного текста (как ни странно, это облегчало восприятие), и чувствовал, что подходит к первым ступеням той лестницы, что приведет его к подлинному мастерству.

Это ощущение способно опьянить любого мага. Синяя птица, которая ведет чародея к вождельной цели – к запредельному колдовскому могуществу, которому подчиняются стихии – не так уж часто дается в руки тому, кто за ней охотится. Руин считал себя человеком сдержанным, но сейчас, горбясь над листами документов, похищенных из тайников Серого Ордена, он был готов потерять голову. Одновременно молодой маг понимал, что самолично заниматься подобной добычей опасно. С усилием оторвавшись от чтения, он поднялся к жене, рассеянно поцеловал ее, извинился, что очень занят, после чего подошел к видеофону – роскошной технической игрушке, стоявшей у него в кабинете рядом с компьютером – и набрал номер патриарха.

Впрочем, когда вызов был принят, на экране появилось не лицо Мэрлота, а его сына, Майнара.

– Привет, Руин, – обрадовался он. – Тебе нужен отец? Его сейчас нет. Он инспектирует поместья.

Арман понял старшего родственника. Разумеется, патриарх никогда не занимался инспектированием сельскохозяйственных владений клана. Эта фраза означала, что глава клана на встрече с кем-то из патриархов, только об этом никому не нужно знать. Иногда для отвода глаз он действительно ездил на природу, но не потому, что хотел проверить деятельность управляющих (их проверяли по-другому, более надежно), а потому, что хотел устроить себе небольшой отдых или пикник с коньяком и девочками.

– Да ладно, пусть себе инспектирует, – отмахнулся Руин. – Я хотел бы показать ему бумаги, которые мы с Мэлом привезли из Родерана.

– Разумеется. Но к чему тебе отец? Он все равно не будет сейчас заниматься магической документацией. У нас есть маги, привози им, они посмотрят. Я порекомендую тебе двоих – неоднократно проверенные, надежные люди.

– Но я хотел бы получить копии.

– В чем проблема? В тот же день тебе их снимут.

– Хорошо. На днях подъеду.

– Так, – Майнар стал очень серьезен. – Давай-ка не тянуть. Любой ценной и неоднозначной документации лучше храниться в клане. Сам понимаешь, в бумагах могут быть какие-нибудь хитрости, ловушки...

– Ладно. Завтра.

– Утром. Договорились?

– Но...

– Тебе сложно поставить портал в метрополию?

– Нет, конечно. Утром привезу.

Майнар кивнул и отключил видеофон, а Руин принес себе несколько бутылок вина, фрукты, остатки десерта, который был приготовлен служанкой к его приезду, и устроился на диване с бумагами серых. Он не замечал, как течет время, не замечал, как пустеют бутылки и блюда, но когда свет лампы почему-то начал резать ему глаза и, подняв голову с диванной думки, он посмотрел в окно, то обнаружил, что солнце уже встало, а часы показывают восемь.

Катрину не слишком удивило то, что супруг даже не заглянул в спальню. Она привыкла к его рвению, а, почувствовав его одержимость магией, даже немного гордилась его упорством. Жена знала, что ему скоро предстоит экзамен на уровень младшего магистра – весьма высокий магический статус – и не сомневалась, что он легко выдержит любое испытание. Сам Руин, кстати, думал так же.

Молодой маг заглянул к жене и, убедившись, что она еще спит, спустился в кабинет. Он поставил портал прямо оттуда, хотя это могло повредить компьютеру, и втащил в него мешок с бумагами. Проносить через портал артефакт с подпространством он больше не хотел – от этого металл либо очень сильно нагревался, либо, наоборот, становился таким холодным, будто кольцо сутки продержали в морозильнике. Конечно, таскать за собой огромную кипу документов не слишком приятно, особенно если учесть, что архив Серого Ордена по весу оказался больше ста килограммов. Все-таки навыков грузчика у провальского принца не было.

В метрополии его уже ждал Майнар, а с ним – архимаг, один из лучших специалистов по системной магии. Они помогли Руину дотащить бумаги до клановой лаборатории... Впрочем, в метрополии клана Мортимер была целая анфилада лабораторий, самых разных, которые упирались в три заклинательных покоя, разных по размеру, а с другого края рабочие помещения магов подпирала огромная и богатейшая библиотека трудов по разнообразной магии. Были здесь и такие помещения, о существовании которых не догадывалось большинство работающих здесь магов, лишь самые надежные люди клана имели туда доступ. Это были секретные лаборатории Мортимеров, в которых, впрочем, ничего особенного не разрабатывалось,

зато велась целая серия изысканий. В частности, разбирались чужие, купленные у агентов или добытые иными способами документы.

Теперь на широких столах разложили часть бумаг, извлеченных из объемистого мешка, и архимаг (звали его Хальгейм, он был внеклановым бессмертным и работал на Мэрлота еще в те времена, когда его клановый статус отказывались подтверждать) склонился над первыми листами. Сдвинув брови, принялся разбирать написанное.

– Не могу сказать, насколько все это ценно, – сказал он через несколько минут. – Но то, что это ни на что не похоже, уже понятно.

– Я могу сказать, насколько это ценно, – хмуро заметил Руин.

– Вы разбирали эти документы?

– Да. Всю ночь и все утро.

– И как? – полюбопытствовал Майнар. – Пригодится?

– Если среди Мортимеров еще есть серые маги, то да.

– Постой. Так, получается, все эти разработки сможет использовать только серый маг? Для белых они без толку?

– Ну почему... Уверен, если перечитать все документы, можно будет многое понять и о белой энергии, и о черной. Видишь ли, серая магия – это не что-то среднее между белой и черной. Это сочетание двух магий. Как я понимаю, именно поэтому я способен заниматься и той, и другой магией без вреда для себя. Знаешь, серая магия неспешна, созерцательна, склонна к анализу и, как мне кажется, использует какие-то иные источники силы, чем обе другие магии.

– Какие же? – заинтересовался Хальгейм.

– Пока не знаю. Но уверен, здесь, – Руин потрогал рассыпанные листки, – найдется ответ на этот вопрос. Что-то подобное я ощущал, когда снимал с себя блоки на Черной стороне. Эта магия показалась мне похожей на ключ.

Майнар нагнулся над бумагами и попытался разобрать первую же формулу, которая попала ему на глаза. Но, видимо, признав, что это не так просто, отодвинул от себя документ.

– Даже и без того было ясно, что ваша с Мэлом добыча стоит внимания, – сказал он. – Сегодня я занят, но Хальгейм проследит, чтоб тебе сегодня же сняли копии со всех бумаг. Как я понимаю, только ты и можешь разобрать их все.

– Да, пожалуй. По крайней мере, пока.

Копирование заняло гораздо больше времени, чем Руин рассчитывал. Впрочем, он плохо представлял себе, как именно можно копировать документы по теории магии, ведь в ксерокс их не засунешь. Ксерокс может точно передать начертание текстов, а ведь кроме начертания там есть еще кое-что, что может воспринять только маг и что служит подсказкой. А подсказка в этом случае была нужна как никогда. Тот, кто составлял трофейные бумаги, имел хорошее представление о том, что из себя представляет серая магия, а вот Руин впервые коснулся теории этого вопроса, и, хоть и раньше догадывался, что нечто подобное существует, пока еще плохо себе представлял, как оно функционирует.

Однако когда Хальгейм принес Руину первые копии документов, он убедился, что в них сохранено самое главное – те самые подсказки. Архимаг предупредил, что наведенные чары сохранятся недолго, и после прочтения документы станут обыкновенной бумагой с черными буквами и формулами. Руин, усмехнувшись, ответил, что одного прочтения ему хватит. На магию у него была отличная память.

Правда, вскоре дала о себе знать и усталость. С усилием оторвавшись от бумаг, он прилег прямо в лаборатории, на диванчике (после того как он отвлекся от чтения, обнаружил, что просто не стоит на ногах, и решил, что до своих покоев в метрополии не дойдет). Он проспал до самого вечера и даже во сне видел формулы, вычерченные на листах дурной бумаги поверх поблекшего текста. Сон был настолько крепок, что Арман не слышал ни шагов, ни шума аппа-

ратуры, но зато даже в самой глубине небытия он сохранял возможность размышлять и представлять себе чары как в виде формул, так и в виде образов.

До дома он добрался лишь через два дня и долго извинялся перед женой, но она, слушая, чувствовала, что мысли его витают где-то очень далеко, и он, наверное, даже не слышит, какие именно слова говорит ей. Катрина лишь вздохнула. Она утешала себя, что муж занимается делом, что он – отличный маг, который постоянно должен заботиться о приобретении новых знаний, иначе растеряет даже то, что у него уже есть. Говорила она себе и то, что Руин, конечно, заботится об их будущем благосостоянии, потому что волнуется за нее и ребенка, но уговоры помогали плохо. Катрине было грустно, плохо и одиноко.

Правда, муж все-таки отвлекся от бумаг, и это произошло дней через пять, когда он вдруг ощутил, что полон новым до предела. Необходимо было прерваться и дать прочитанному «уложиться» в голове. Он встал от стола и, шатаясь, направился в соседнюю комнату, к бару. Там же стоял и телевизор, перед ним Руин с удивлением увидел Катрину. Удивился он лишь потому, что никогда прежде не замечал за супругой интереса к телевизионным программам, наоборот, она относилась к ним с откровенным пренебрежением. Жена вертела в руках пульт и, когда в дверях появился муж, вопросительно подняла бровь.

– Ты смотришь ток-шоу? – спросил молодой маг.

– Да, а что?

– Раньше ты не проявляла интереса к этим передачам.

– А чем еще заняться? Ты даже не ешь ничего. Нет смысла готовить.

– Но я ел что-то...

– Ты ел чипсы, – устало ответила Катрина. – А тарелки я уносила нетронутыми.

Руин присел с ней рядом и выключил телевизор. Обнял, привлек к себе и сунул нос в ее волосы. Он чувствовал себя совершенно разбитым.

– Прости меня, солнышко.

– Ты что-нибудь выудил оттуда?

– Из бумаг? Много полезного. Но, вообще-то, дело только начато. Я, честно говоря, даже не знаю, как с ними работать. Информации слишком много, чтоб усвоить ее за раз, а если прерываешься, теряешь логическую цепочку. Тяжело.

– Да уж, – посочувствовала жена. – Ты весь вымотался.

– Наверное, надо делать краткий конспект, – продолжал Арман. – И работать лучше прямо в метрополии, не торопясь... Ладно, – торопливо сказал он, заметив, что Катрина смотрит на него довольно хмуро. – Надо отвлечься.

– Я для тебя – средство отвлекаться?

Руин почувствовал в ее голосе напряжение. Впрочем, он отлично понимал, что у жены есть все основания обижаться. В конце концов, на то она и жена, чтобы претендовать на особое отношение к себе, особенно теперь.

– Нет, конечно, любимая. Прости, что так долго не обращал на тебя внимания. Я, честно говоря, просто боюсь...

– Ты просто одержимый.

– Наверное, – поразмыслив, согласился Руин. – Ты прости, что так получилось.

– Да ты меня не любишь, – Катрине хотелось сказать не это, а, например, что она его очень любит и скучает, и сил уже никаких нет, и больше всего она хочет, чтобы он ее обнял, но язык буквально помимо ее воли выговаривал нечто другое. – Ты любишь только свою магию.

– Я люблю тебя. Тебя люблю.

– Не любишь!

– Люблю.

– Не любишь! – она уже почти плакала, потому что при одной мысли, что сказанное может оказаться правдой, ей стало очень холодно и одиноко.

Руин не умел разговаривать с женщинами, чье настроение уже напоминает истерику: не умел сорок лет назад и не представлял, как это можно сделать теперь. Потому он, в духе провальского воспитания, попросту опрокинул жену на диван и навалился сверху. Катрина брыкалась и пыталась скинуть мужа с себя, причем гораздо увереннее и решительнее, чем это когда-то делала Реневера. Внезапно вспомнив о положении супруги, Арман отпрянул, но женщину не отпустил.

Но зато дал ей возможность размахнуться. Ударила она слабо, но уверенно, и супруг не пострадал лишь потому, что молодая женщина попала не так, как нужно, а вскользь. Легкая оплеуха Руина ни на миг не смутила. Он просто отмахнулся от нее, как от мухи, а потом прижал руки Катрины к подлокотнику дивана. Осторожно притиснул жену к обитой бархатом высокой спинке и принялся целовать.

– Отпусти!

– Вот и нет.

– Это же насилие...

– Потом можешь посадить меня в тюрьму. Я согласен.

– Да что же это такое?! – возмутилась молодая женщина. – Сначала забросил меня, теперь обходишься так грубо... – но ее слова прервал поцелуй.

Руин, ослабив хватку, чуть подвинулся, освободил для жены побольше места, но не отпустил ее.

– Я не буду грубо, – пообещал он. – Я буду осторожнее. Это станет смягчающим обстоятельством?

– Это просто безобразие.

Он нежно обнял ее и стал целовать, но когда Катрина попыталась освободиться, у нее почему-то ничего не получилось. Правда, муж не пытался добиться чего-то большего, лишь целовал и обнимал, и скоро молодой женщине расхотелось отбиваться. Обида куда-то испарилась, и Катрина потянулась к нему первая. Руин помог ей расстегнуть молнию на платье, освободил ее от одежды, а уж его рубашкой занялась жена.

Они занимались друг другом увлеченно, не замечая вокруг ничего. В комнату заглянула было служанка, чтоб отдать ключи и сообщить, что работа сделана, а ей пора уходить, но вылетела в коридор с такой быстротой, будто за ней гнался волк. Хлопнула дверь, а потом и ключ звякнул о подзеркальную полочку, но супруги ничего этого не заметили. Они целовались так жадно, как разве только умирающий от жажды может припадать к чаше холодной и чистой воды.

Потом Руин неловко налег локтем на пульт от музыкального центра, пристроенного под видеомэгагнитофоном, и комнату внезапно наполнил страстный, дрожащий, низкий и оттого особенно выразительный голос популярной певицы, чьи песни последнее время звучали буквально отовсюду. Молодому магу, разумеется, не было дела до популярных певиц, обнимая утомленную жену и медленно остывая, он смутно припомнил, что зовут ее, кажется, Лоран Спелый Колос.

– Живу в любви, и веря, и не веря, – с чувством пела Лоран. – Боюсь любви, но все равно люблю...

– Выключи ее, – сонно попросила Катрина.

Руин нашарил пульт и заткнул радио. Он гладил ее обнаженное плечо, потом положил ладонь на живот. Живот был абсолютно плоский.

– Но ведь срок пока еще совсем маленький, – рассмеялась Катрина. – Но я беременна, это точно. Я для гарантии даже УЗИ сделала.

– Я несколько не сомневаюсь, – он украдкой погладил ее по бедру.

А в следующий миг вскочил с дивана. Но поздно. С грохотом отлетела дверь, и в дверном проеме закружился овеянный свет. Казалось, он не возник здесь, а уже был, и ему просто

открыли путь. За густым, упругим сиянием не было видно людей, и казалось, что их тут вовсе нет. Руин попытался выстроить защиту, и лишь потом понял, что сделал ошибку. Надо было не защищаться, а нападать. Но ведь за его спиной медленно, будто во сне, приподнималась на локте жена, как же можно было не защитить ее?

Первый же удар, ворвавшийся в комнату с глухим воем, был так силен, что стало понятно – он был предназначен сразу смести противника, покончить с ним. Руин отразил его с силой и искусством, но этого оказалось недостаточно. Заклинание врезалось в стену, и дом ощутимо тряхнуло. Но это было лишь остаточное действие, основная мощь пришла с хозяйина дома. Пожалуй, такого удара хватило бы, чтобы стереть в порошок целый особняк.

Каким чудом Руин умудрился уцелеть под такой атакой, он и сам бы не смог объяснить. Разумеется, случай тут был ни при чем, дело было в искусстве, которым владел Арман. Опыт и чутье заставляли его в крайних ситуациях действовать неосознанно и потому стремительно. Пожалуй, если бы какой-нибудь мастер взялся распутать картину произошедшего, он с изумлением обнаружил бы, что подвергшийся нападению маг умудрился пустить в ход целых семь заклинаний, причем едва ли не в сотую долю секунды. Поверить в это с ходу показалось бы невозможным.

Однако так оно и было. Опрокинувшись на спину, Руин попытался атаковать, хотя по-прежнему не видел, кто на него напал, и с ужасом обнаружил, что пуст, словно опорожненный бокал. Ни капли магической силы не осталось в его теле. Он успел изумиться, что пока остается в сознании – как правило, потеряв всю энергию, человек теряет сознание, если не жизнь – когда его накрыло второе заклинание.

Этого он, впрочем, уже не почувствовал.

Дикий вопль Катрины пронизал внезапно воцарившуюся в доме тишину. Она еще не поняла, что произошло, но будто сердцем почувствовала. Крича, она видела, как становится прозрачным силуэт ее супруга, откинувшегося назад под действием заклинания, как опадает и осыпается пеплом его тело. От вопля перехватило дыхание, и Катрина захлебнулась воздухом. Ее трясло, и, хотя она пока еще ничего не понимала, ужас сковал ее.

Свет, повисший в дверном проеме, рассеялся, и в комнату вошли трое мужчин. Мужчины были одеты во все темно-серое, и почему-то их одежда напугала молодую женщину больше, чем что бы то ни было. Она вдруг вспомнила, что совершенно обнажена, попыталась прикрыться, но под взглядом одного из чужаков окаменела, как кролик под взором удава. Он смотрел на нее с холодным, немного отстраненным наслаждением, и Катрина внезапно вспомнила его. Она схватилась за горло, будто ее кто-то душил, и снова крикнула, тоскливо и жалобно, как умирающая птица.

– Заткнись, шлюха, – бросил второй мужчина, тот, который как раз осматривал останки хозяйина дома на ковре. – Еще один звук – убью.

Вернее, останками эту кучку серого, мгновенно развеявшегося по ковру пепла трудно было назвать. Но налетчик извлек из одежды артефакт и стал старательно водить им над ковром. От артефакта так сильно потянуло магией, что это почувствовала даже Катрина, не слишком хорошо разбиравшаяся в чарах. Она потянулась было к валяющемуся на полу платью, но третий чужак пригвоздил ее к месту повелительным жестом.

– Не двигаться, – он шагнул к ней, резко толкнул обратно на диван и придавил предплечье коленом, грубо и больно. Положил ладонь ей на живот.

Катрина в панике дернулась и тут же едва не потеряла сознания от боли. Налетчик ударил ее ладонью по лицу, лениво и равнодушно, и даже не слишком сильно, но молодой женщине хватило. Ненадолго она потеряла сознание, а когда пришла в себя, чужак держал на вытянутой руке какой-то мягко сияющий беловатый комочек, такой маленький, что его можно было сжать в ладони. В первое мгновение она не поняла, что это такое, но почему-то ей стало страшно

до тошноты. Она застонала и рванулась к белому комочку, но налетчик грубо отшвырнул ее обратно на диван.

– Где твой муж держит бумаги? – холодно спросил он.

Катрина с ужасом смотрела на него.

– Отвечай, дрянь, – звучало это бесстрастно и равнодушно, но молодой женщине было очень страшно.

– Я... не знаю.

– Вспоминай. Ты знаешь, что это такое? – светлый комочек снова мелькнул в его руке. – Это твой ребенок. Вернее, не он сам, а его энергетическая составляющая. Если я сейчас раздавлю эту маленькую штучку, у тебя случится выкидыш. И, учти, муж больше никогда не сможет сделать тебе другого... Лежать, сучка. Говори быстро, иначе я устану и уроню на пол. И сапогом наступлю. Ронять?

– Нет, – простонала Катрина.

– Где бумаги?

– В кабинете... У него есть сейф, но у меня нет ключа, а еще есть сейф-подпространство.

Он кочующий.

– Где он сейчас?

– Но я не знаю! – Катрину трясло, и слова звучали неясно. – Я правда не знаю. Я не маг...

Чужак повернулся к своему товарищу, тому, которого молодая женщина узнала.

– Это так? – спросил он.

– Я ее давно не видел. Но когда мы были знакомы, с магией у нее было плохо, – подтвердил тот. – Не трогай ее, ладно?

– Тебе оставить? Лови, – налетчик перекинул светящийся шарик знакомцу молодой женщины, и тот ловко поймал его. Шарик исчез.

– Отдайте! – раздрающе закричала Катрина. Один из нападающих ударил ее и замахнулся было второй раз, но тот, что спрятал у себя энергетическую составляющую нерожденного ребенка, перехватил его руку. Молодая женщина не обратила на это внимания. Она рвалась, будто пойманная птица, не обращая внимания ни на боль от чужой хватки, ни на угрозы. – Отдай!

– Тихо! Вернон, следи.

Знакомец Катрины присел рядом с нею и прижал ее к дивану: сильно, но не болезненно.

– Лежи и не шевелись.

– Отдай мне ребенка...

– Мы поговорим об этом позже.

– Отдай мне ребенка...

– Молчи, Катрина. Не раздражай этих людей. Твой муж сунулся туда, куда ему соваться не следовало, и сейчас он вполне может потянуть тебя за собой. Я попытаюсь тебя спасти.

– Отпусти меня!

– Не шевелись и молчи, – он навалился на нее и стал целовать. Катрина пыталась кричать, но у нее получался лишь сдавленный писк.

На этот звук обернулся один из напавших и досадливо поморщился.

– Брось, не время заниматься ерундой.

– Ничего я ей не буду делать. Пока.

– А может, все-таки поделаться с ней кое-что? – спросил чужак, правда, почти не грубо: он торопился. На женщину он смотрел совершенно равнодушно. – Может, трахать, пока не скажет?

– Что не скажет? – всполошился Вернон.

– Эй, как тебя... Где твой муж хранил оригиналы документов?

Катрина посмотрела на него с недоумением. Проницательный взгляд налетчика впился в ее лицо, и, оглядев ее очень пристально, он обернулся к своему товарищу, обшаривавшему ящики стола.

– Видимо, действительно не знает. Наверное, муж ей ничего не говорил.

– Ничего странного, – пыхтя, ответил второй. Он как раз наклонился в три погибели и вышвыривал из шкафа все, что там было. – Мужик, видимо, держал от жены в тайне все свои дела. Обычная вещь.

– Но она же должна догадываться, где он может хранить бумаги. Живет она с ним давно, его повадки знает. Слушай меня, шлюха. Пока не достанешь и не вернешь нам оригиналы документов, не получишь обратно своего детеныша.

– Откуда ей знать, – возразил Вернон, накидывая на Катрину платье. – Он же клановый. Бумаги наверняка уже в руках патриарха.

– Мэрлота?

– А то.

– А если взять ее в заложницы?

– Толку никакого. За нее он, разумеется, ничего не отдаст. Ведь Катрина – не его потомица. Ему на нее наплевать.

– Но на своего-то потомка не наплевать, наверное? Она ж вынашивает Мортимера.

– А может, не Мортимера. Да и потом, разве это потомок? Даже еще не плод.

Чужаки замолчали, переглядываясь.

– Что же делать? – хмуро спросил один из двоих, не известных Катрине мужчин. – Копать метрополию?

– Наверняка бумаги именно там.

– Естественно. Эй, ты, в метрополии клана Мортимер есть лаборатории?

– Что ты ее спрашиваешь? И так понятно, что есть.

– Но где они – вот вопрос.

– Откуда это знать бабе? – запротестовал Вернон. – Тайные лаборатории, конечно же, расположены в ухоронках, а об их месторасположении девица из чужого семейства знать не может.

– Ладно, – один из двоих чужаков мотнул головой и, еще раз взглянув на кучку пепла на полу, повернулся к двери. – С этим был еще второй. Он тоже может что-нибудь знать. Надо и его встряхнуть. Идем. Может, он сумеет притащить нам документы. Потому что так вот просто лезть в клановую метрополию... Сам понимаешь.

– Ага, – второй налетчик обернулся и взглянул на Вернона. – Заканчивай с ней быстрее, – и тоже вышел.

Катрина огромными глазами смотрела на своего бывшего знакомого.

Их знакомство не было добрым. Вернон появился в жизни Катрины, когда она, закончив школу и курсы компьютерной грамотности, нашла работу и, возжелав самостоятельности, сняла комнатку в огромной коммунальной квартире. Тогда Вернон буквально свалился на нее и стал ухаживать за нею так настойчиво, так требовательно, что уже одно это могло серьезно обеспокоить разумную девушку. Этот молодой человек, отличающийся подлинно бандитской красотой и такой же несдержанностью, просто в какой-то момент решил, что эта девушка должна принадлежать ему. Мнение девушки его, казалось, нисколько не интересовало.

Он преследовал ее так настойчиво, что жизнь скоро стала казаться Катрине тесной клеткой. Как загнанная лань, она пыталась куда-нибудь спрятаться от него, но Вернон постоянно был рядом. Он просил, требовал, потом стал угрожать, и никаких отказов не желал слушать. Стоило какому-нибудь молодому человеку оказать девушке внимание, как следовало жестокое избиение и предупреждение, что упрямого может ждать нечто более серьезное.

Закончилось все печально. Решив, что иначе не заставить непокорную красавицу понять, насколько ей повезло, Вернон выследил ее после работы, затолкал в машину и, насильно привезя в свой дом, изнасиловал. Пожалуй, и тогда запуганная Катрина не стала бы обращаться к помощи закона, но оказалось, что полиция давно уже выслеживала ее неумемного «жениха». Арестовали его в тот момент, когда он, достаточно покуражившись над пленницей, решил таки отпустить ее.

На крыльце пошатывающаяся Катрина столкнулась с группой захвата. Ее привезли в штаб-квартиру отряда спецназначения и там подсунули заявление, которое оставалось только подписать. Девушка подписала – в ту минуту ей было все равно. Страдалицу совершенно не интересовало, в чем обвиняют ее «ухажера», она мечтала только об одном – чтобы ее наконец оставили в покое и дали, свернувшись где-нибудь клубочком, забыться. Полиция вскоре так и сделала – Катрину отвезли в кризисный центр для женщин, где девушка прожила почти месяц.

Родителям она тогда ничего не рассказала, а они ни о чем не узнали. Вернон был обвинен в целой серии преступлений, на фоне которых изнасилование выглядело бедновато. Как ни странно, преступника приговорили не к Звездным каторгам, а всего лишь к длительному заключению и самым обычным исправительным работам. Катрину, впрочем, это несколько не занимало. Она была счастлива, что назойливый ухажер наконец-то испарился с ее горизонта.

И вот теперь он снова перед ней. Молодая женщина не могла ни о чем думать, ничего не хотела понимать. Ступор, который сковал ее тело и сознание, был милосердным даром природной особенности каждого человеческого организма: большая боль ведь не сразу вступает в свои права. От нее защищается и тело – обмороком, и душа – непониманием.

– Я знаю, что это не ты меня предала тогда, – сказал Вернон. – Но даже если бы и ты заявила в полицию, я бы простил тебя. Я, пожалуй, был тогда грубоват, перегнул палку. Но я слишком люблю тебя, чтоб так просто от тебя отказаться.

– Ты меня убьешь? – устало, едва шевеля губами, спросила Катрина.

– Нет, конечно. Ведь я тебя люблю.

– Это ты называешь любовью?

– В любви хороши любые средства. Катрина, ты все равно будешь моей женой. И тогда ты поймешь, что лучшего супруга тебе не найти.

– Это после того, как ты убил моего мужа?

– Он втравил тебя в беду. Этого уже достаточно для того, чтоб считать его плохим мужем. Довольно, Катрина. Ты сама не понимаешь своего блага. Раз так, придется тебя убеждать. Понимаю, пока ты испугана и растеряна. Это пройдет. Я еще загляну к тебе чуть позже, когда ты немного придешь в себя и сможешь отдавать отчет в своих действиях. И учти одну деталь – ребенка я верну тебе только в том случае, если ты выйдешь за меня замуж. Впрочем, может быть, теперь тебе этот ребенок не очень и нужен?

Катрина побелела.

– Отдай, – прошептала она.

– Отдам. Как только в храме ты скажешь мне «да». И, уж поверь, смогу стать для твоего ребенка хорошим отцом. Даже усыновлю его, так уж и быть. Видишь, как я тебя люблю! Ладно, размышляй.

И ушел. А молодая женщина, на время оглохшая и ослепшая от ужаса, который навалился на нее, повалилась лицом вниз на диван и замерла.

Глава 4

Супружеская жизнь Гэра Некроманта из клана Драконов Ночи и Окады, внушки патриарха клана Накамура, с самого начала производила впечатление образцовой. Супруги никогда не ругались. Они никогда ничего не делили, и весь уклад жизни этой странной семьи, казалось, совершенно устраивает обоих. Гэр, заполучив в жены поразившую его женщину, продолжил свои магические изыскания, и, как ни удивительно, новобрачная нисколько не возражала, что порой несколько дней подряд не видит своего супруга. Правда, она могла быть уверена – он безвылазно сидит в своей лаборатории – оттуда постоянно доносился звон переставляемых предметов, грохот, шелест магии и даже приглушенная ругань хозяина кабинета.

Словом, жизнь с таким мужем могла бы удовлетворить лишь самую спокойную и невзыскательную женщину. Но Окада как раз и была такой. Она оставалась невозмутимой в любой ситуации, с мужем разговаривала неизменно сдержанно, даже в минуты, когда любому человеку положено слегка терять выдержку, на скорлупке ее сдержанности не появлялось ни одной трещинки. Иному мужчине могло бы показаться, что он имеет дело с фарфоровой куклой, а не с женщиной, и привести к смятению, а может, и к бессилию. Но Гэра подобные ощущения никогда не посещали.

Ради супруги архимаг привел в порядок свой дом, и, хоть даже после того он оставался мрачным и неудобным, Окада без возражений поселилась там. Она же через некоторое время превратила его в комфортное пристанище и даже придала ему чисто накамуровский колорит. Хозяин жилища нисколько не возражал. Он, наверное, просто не замечал никаких изменений. Он также не заметил, что начал носить белоснежные рубашки, стал бриться каждое утро и даже заниматься спортом. Он не обращал внимания на то, как охотно и незаметно выполняет все просьбы жены.

Брак внуков странным образом сблизил патриархов двух сильных кланов. Положение Эндо Дракона Ночи считалось более стабильным, более высоким, хотя его клан был одним из самых немногочисленных в Асгердане. Накамура, несмотря на меньшее влияние и опасное положение (земли Накамура лежали на самой границе Черной и Белой стороны, и любая война, любая стычка с черными начиналась именно в их владениях), считался в Центре влиятельным патриархом. Разумеется, лишний сторонник не помешает ни одному, самому могущественному человеку.

Просто никто не ожидал, что Эндо и Эдано сблизятся.

Началось все с брачного контракта и с произошедшего на следующий день обсуждения «черной проблемы». От своего потомка, Илвара Варлэйра, уже успевшего получить в своем клане прозвище Солнечный Пес, глава дома Драконов Ночи толком ничего не добился. Юноша не понял, кто именно переправил его на Черную сторону, что с ним там делали и чего добились. Его ни о чем не спрашивали, лишь брали кровь и энергию и приказывали не задавать вопросов. Он и не задавал.

Он прекрасно понимал, что это небезопасно. Впрочем, очевидно было, что, закончив исследования, юношу бы непременно убили. Эндо интересовало пока только одно – каким образом неким центритским злоумышленникам удалось переправить пленника на Черную сторону, а также – как именно группам «черных» боевиков удалось напасть на Мортимеров и безопасно уйти обратно. По логике, Дракону Ночи странно было бы так упорно интересоваться невзгодами Мортимеров, но все его прекрасно понимали. Если черные «вчера» напали на белобрысый клан, поохотились за блондинками, то почему бы «завтра» им не предпочесть брюнеток?

Эндо понимал, что Накамура не может открыть ему тайну магов Черной стороны, но искренне надеялся, что Эдано придет в голову какой-нибудь способ перекрыть черным путь на

Белую сторону или хотя бы отследить их перемещения. К тому же, выдав ему главную тайну Илвара Варлэйра – что на Черную сторону его продали представители Блюстителей Закона, – он не бесплодно рассчитывал расшевелить главу клана Накамура.

Он нисколько не ошибся в своих расчетах. Глаза невозмутимого, как алебастровая статуя, человека впервые в жизни просияли каким-то особенным светом. Эдано все прекрасно понял, и даже отвечать не стал, да Эндю ответа не ждал. Он ждал реакции.

Реакция последовала. Таясь от законников (патриархи, которые по конституции Асгердана являлись законодателями, старательно прятали каждый свой шаг от представителей исполнительной власти, по логике, им подчиненной), Накамура встретился с Мэрлотом Мортимером. О чем они беседовали, не узнал даже Дракон Ночи.

Незримая оппозиция постепенно обретала форму.

А тем временем Окада Накамура, совершенно забросившая дела своего клана, объявила супругу, а потом и деду-патриарху, что ждет ребенка. Это известие разнеслось по светским кругам с молниеносной быстротой и вызвало немалое изумление. Мало кто верил, что одержимый наукой Гэр способен сотворить жене ребенка, однако мнение сплетников никого не интересовало. Так уж получилось, что самой любимой темой для споров между представителями породнившихся кланов стало: какого же малыша родит Окада. Будет ли он Драконом Ночи или Накамура – вот что имело значение.

Здесь существовал нюанс. Накамура рождались только двойнями, причем непременно разнополыми. Исключений за всю историю существования клана было только два: один из младшеньких, Сангоро Накамура, мать которого, кстати, принадлежала к Дому Мортимер, и сам патриарх. Когда срок беременности Окады был уже достаточно велик, и врач смог определить, что она ждет двойню, родственники будущей матери взвыли от восторга.

Когда дети появились на свет, обнаружилось, что у молодой пары родились сын и дочь, «золотая парочка». Однако радость Накамура, решивших было, что тут все ясно, оказалась преждевременной. Стоило Эдано взять на руки одного из них, он обнаружил, что малыш скорее белокож, чем желт, и, хоть глазки его закрыты, они вряд ли узки, как у обычного Накамура. Немедленно был сделан анализ на типаж, и выяснилось, что оба ребенка – маленькие Дракончики.

Разинули рты оба патриарха. Эндю объяснил, что в его клане это первый случай, когда на свет появляется двойня. Эдано, который прекрасно помнил родовое древо клана своего собеседника, впервые всерьез задумался о том, почему же Блюстители Закона так настаивали на браке его внучки с Некромантом. Не потому же, что от него она способна рожать в два раза больше Драконят, чем обычно. Поколебавшись, он предложил проверить способности новорожденных.

Наверное, стороннему человеку это показалось бы бредовой идеей – проверять «на способности» младенцев, только-только выбравшихся из лона матери и бессильно уснувших в теплых кувезах. Но Эндю, поколебавшись, согласился, и у малышек были взяты кровь и небольшое количество энергии.

– Итак? – осведомился Эдано, когда молчание главы клана Драконов Ночи над полученными результатами сильно затянулось.

– Нет смысла спорить, энергетика у обоих сильная, – признал Эндю. – Заметно, что детки будут обладать недюжинными магическими способностями.

– Но?

– Но ничего особенного я в них не вижу. У обоих отличная кровь, с генетическим наследством все в порядке, со здоровьем тоже, и, как бы там ни сложилось, можно признать, что Гэр и Окада подходят друг другу как супруги и потомство у них здоровое во всех смыслах.

– Но это мы и так предвидели.

– Вот именно.

Молодому отцу эти волнения озадаченных патриархов были, что называется, до лампочки. Он, счастливый вдвойне, продежурил под дверью детского отделения несколько часов, пока ему наконец не разрешили взглянуть на отпрысков, и, когда жена пришла в себя, в порыве благодарности предложил ей, пусть даже дети по типуажу явно принадлежат к клану Драконов Ночи, наречь их вместе. Как предложил Гэр, они с супругой оба придумывают по одному имени своим отпрыскам, и в дальнейшем те будут носить двойные имена.

По меркам Асгердана это был на редкость широкий жест. Кланы скрупулезно блюли свои традиции, и одной из важнейших была традиция называния. Имя ведь говорит о многом. Невозможно себе представить Алзара, который бы носил имя Нгомбо, равно и не может появиться в Асгердане Одзэро, который звался бы, к примеру, Джеймсом. Равно и Накамура давали своим детям имена, даже отдаленно не похожие на имена в традициях Драконов Ночи. Впервые за время брака глаза Окады наполнились изумлением и почти совсем округлились.

– Но ты же понимаешь, – помолчав, произнесла она, – что я назвала бы детей только так, как их называют у нас.

– Конечно, понимаю, – Гэр осторожно присел на край постели, где лежала его супруга, изможденная и очень бледная. – Но ты ведь уже думала, как назвала бы деток, я уверен.

– Думала.

– И как же?

– Если б дети родились Накамура, сына я б назвала Игахиро, а дочь – Катэорой.

– Ну что ж, – Гэр несколько мгновений помолчал, размышляя. – Я хочу назвать сына в честь прадеда, а дочку – в честь мамы. Значит, это получится... Эндо Игахиро – я ничего не спутал?

– Нет, – в усталых глазах Окады появилась тень улыбки.

– Вот. А дочь назовем Онэле Катэора. Красиво же, а?

– Но ведь твою матушку зовут Нэрка.

– Да. Но наш клан двуязычен, – спокойно пояснил Гэр Некромант. – На одном языке она Нэрка, на другом – Онэле. Правда, второе имя она никогда не использует, но язык-то существует. Кстати, очень красивый язык. Тебе нравится?

– Да, – вздохнула Окада и тут же зевнула. Молодой отец сразу заторопился к выходу.

Пожалуй, именно после этого случая их отношения незаметно изменились. Окада испытала к мужу настоящую благодарность, которая необъяснимым образом превратилась в привязанность. Этой готовностью поступиться своим правом, причем важнейшим правом кланового, Гэр покорила ее больше, чем мог бы покорить своей любовью или заботой. Она поняла, что на этого мужчину сможет положиться в любом деле, когда угодно, а это считалось едва ли не самым главным качеством идеального мужчины у женщин-Накамура. Что страсть – она приходит и уходит. Ее, в конце концов, можно взрастить.

Окада отличалась твердокаменной волей, незаурядной даже по меркам своих родственников. Она была уверена, что сможет полюбить, лишь захотев этого, а подобной уверенности порой бывает вполне достаточно. И если раньше она думала о чем угодно, только не о чувствах, то теперь чувства заслонили в ее душе все остальное. Женщина, казалось, неспособная любить, почувствовала, что любит.

Гэр, обзаведясь сразу двумя детьми, был совершенно счастлив. Ненадолго он даже забросил свои занятия – учился гладить пеленки и пеленать малышек, хотя дом был полон слуганок, и всю работу в общем-то можно было бы перевалить на них. В дальнейшем Некромант сильно сократил то время, которое тратил на свои изыскания – теперь гораздо больше внимания он уделял супруге и отпрыскам.

А супруга куда больше внимания уделяла мужу. Она с удивлением ощущала в себе потребность видеть этого мужчину, общаться с ним, заботиться о нем, чувствовать его рядом. Оказалось, что с ним можно поговорить не только о магии, но и об уйме других вещей. В част-

ности, он не так уж плохо разбирается в традициях и культуре Накамура, и это было Окаде очень приятно. Женщина начала ощущать, что брак – это не такая уж плохая штука.

А если женщина любит мужчину не намного меньше, чем он ее, и оба уделяют своим чувствам достаточно времени, это с неизбежностью влечет к определенным последствиям. Эндю и Онэле еще не исполнилось десяти лет, когда их мать ощутила определенные признаки и, обратившись к врачу, убедилась, что снова в положении.

На этот раз Гэр заволновался. Он опасался, что столь скоро наступившая вторая беременность может быть опасна для жены. Но врачи, обследовав Окаду Накамура, дали заключение, что женщина совершенно здорова и вполне способна снова стать матерью. Правда, они же сообщили, что беременность многоплодная, и Некромант снова заволновался, стал предлагать супруге сделать операцию и пересадить хоть одного эмбриона суррогатной матери, но женщина воспротивилась и даже посмеялась над Гэром, объяснив, что для нее, Накамура, совершенно нормально вынашивать и рожать двойни.

Но через три месяца им обоим стало не до смеха. Исследование было самое обычное, плановое, но именно теперь врачи смогли определить, сколько же именно малышей предстоит рожать Окаде. Выяснилось – пятерых.

Пятерня! Дело невиданное. Конечно, случалось, хоть и крайне редко, чтобы смертные женщины рожали пятерню (причем, как правило, хоть один или два ребенка да обязательно гибли либо в утробе матери, либо при родах, либо уже после них). Но чтобы бессмертная! Самое большое количество детей, которых за раз сумела произвести на свет бессмертная женщина – четверо, но над нею почти все девять месяцев хлопотали трое архимагов (причем за государственный счет, потому что женщина эта не относилась ни к одному центритскому клану или семейству). Притом вскоре после родов выяснилось, что больше иметь детей эта женщина уже не сможет, пусть бы даже она прожила на свете миллион лет.

У Гэра не было необходимости обращаться к органам социального обеспечения за материальной помощью. Он проверил состояние своего счета и отвез жену в Магическую Академию. Однако и здесь Некроманту сообщили, что жена его совершенно здорова, а беременность проходит на удивление хорошо. Слегка побледневшей Окаде предложили полежать в отделении гинекологии – для обследования и получения гарантий – а перепуганному супругу посоветовали не беспокоиться раньше времени.

– Но кто же будет заботиться о детях? – слабо запротестовала женщина.

Но Некромант, как истинный мужчина, и слышать не желал ни о каких возражениях.

– Ты ни о чем не должна волноваться – только о своем здоровье, – решительно сказал он. – Дети не такие уж маленькие, служанок полон дом, да и я, интересно, на что?

– А ты справишься?

– Интересно, как это я не справлюсь? – даже обиделся мужчина. – О чем ты говоришь?

Он действительно справился. Правда, поскольку в его уходе за детьми все-таки были некоторые изъяны, он навещался в детские магазины очень часто, почти каждый день – то одно забудет, то другое. Именно в таком магазине он и познакомился с Мэлокайном. Вернее, буквально столкнулся с ним. В этот день Гэр привез в магазин обоих детей, потому что собирался купить им новые куртки, а ликвидатор вместе с младшим сыном грузили в корзину баночки с детским питанием. Мэл был хмур и потому смотрел под ноги. На Некроманта он налетел в узком проходе между высокими стойками с детской одеждой.

– Мэлокайн Мортимер! – изумился Гэр Некромант. – Это же вы, ликвидатор, я прав?

Мэл поднял голову и с недоумением посмотрел на незнакомца, который с такой радостью опознает его в магазине. Никакой угрозы он не чувствовал.

– Да, это я, – признался он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.